

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ КУЛЬТУР

AN DER KREUZUNG

DER KULTUREN

Двуязычный
литературный

альманах

Zweisprachiger

literarischer

Almanach

№3

edition ostblick

2018



AN



Zweisprachiger
literarischer
Almanach

DER



HA



Wuppertal

Двужычны
літаратурны
альманах



2018

На перекрестке культур: Двухязычный литературный альманах / Составитель: В. М. Авцен – MedienAgentur Böpple, edition ostblick 2018. – Вып.3 – 132 с.

ISSN 2364-3463

С января 2012 года в Вуппертале работает литературное кафе. Экскурс в прошлое русской и немецкой литературы, встречи с современными русскими и немецкими писателями, интеллектуальные и литературные игры, возможность для посетителей Вупперлиткафе вынести на публику своё творчество – то, ради чего раз в месяц собираются люди в актовом зале Каритаса на Hünefeldstrasse 54a.

Результатом этих встреч явилось периодическое издание «На перекрёстке культур».

Дорогие читатели! Перед вами очередной номер двухязычного альманаха. В его основу легли материалы ток-шоу «ПЕРЕСЕЧЕНИЕ КУЛЬТУР: литературные и музыкальные голоса», в котором приняли участие посетители Вупперлиткафе.

An der Kreuzung der Kulturen: Zweisprachiger literarischer Almanach.

Herausgeber: V. Avtsen – MedienAgentur Böpple, edition ostblick 2018. – Nr. 3. – 132 p.

Unser literarisches Café gibt es in Wuppertal seit Januar 2012. Streifzüge durch die Geschichte der russischen und der deutschen Literatur, Begegnungen mit zeitgenössischen russischen und deutschen Literaten, literarische und intellektuelle Quiz-Spiele, die Möglichkeit für die Teilnehmer, ihre eigenen Werke dem Publikum zu präsentieren – all das führt die Literaturbegeisterten jeden Monat in die Konzerthalle von Caritas (Hünefeldstr. 54a).

Als Ergebnis dieser Treffen entstand die Reihe »An der Kreuzung der Kulturen«.

Liebe Leserinnen und Leser! Vor Ihnen liegt die nächste Ausgabe des zweisprachigen Almanachs, dessen Kern die Materialien der Talkshow „Begegnung der Kulturen: literarische und musikalische Stimmen“ bilden und an der die Besucher des Literaturcafés Wuppertal teilgenommen haben.

edition ostblick

© Wuppertaler Elternverein 3x3 e.V, Wupperlitcafe – проект / Projekt
© Владимир Авцен / Volodymyr Avtsen – составитель / Herausgeber
© Валерий Гольшейдер / Valeriy Golsheyder – фотографии / Fotos
© Владимир Семчук / Vladimir Semchuk – фотографии / Fotos
© Виктор Харик / Viktor Kharyk – дизайн / Design

ISSN 2364-3463

Благодарим за поддержку:

Herzlichen Dank für Ihre Unterstützung:



**Bundesministerium
für Familie, Senioren, Frauen
und Jugend**



**Lokale Allianz für
Menschen mit Demenz**



**Wuppertaler
Elternverein
„3x3“ e.V.**

Für Kinder, Eltern und die ganze Familie



Qualität für Menschen



**Stadtparkasse
Wuppertal**



**Caritasverband
Wuppertal/Solingen e.V.**

Olga
ZUSKOWA

Ольга
ЗУСЬКОВА



ВЗАИМООБОГАЩЕНИЕ КУЛЬТУР

Дорогие читатели!

Язык народа отражает его менталитет, его душу, а значит, изучение языка другого народа позволяет лучше понять его национальные особенности и его душу. Огромную созидательную, объединяющую роль в этом играют переводчики. В нашем Вупперлиткафе с некоторых пор организовалась секция переводчиков, благодаря чему появились параллельные переводы художественных произведений с русского на немецкий и с немецкого на русский, который вошли в альманахи «На перекрестке культур». В 2016 году второй выпуск альманаха за высокое художественное мастерство получил диплом Международной гильдии писателей в рамках конкурса «Её Величество книга». Эта награда лишний раз подтверждает важность того, что мы делаем для объединения и взаимообогащения двух культур. В основу третьего выпуска альманаха вошли материалы, подготовленные нашими авторами для двуязычного ток-шоу «Пересечение культур: литературные и музыкальные голоса»,

организованного Союзом русскоязычных родителей Германии (BVRE) и Обществом родителей Вупперталя (Wuppertaler Elternverein 3x3 e.V.) при поддержке Федерального Центра политического образования (Bundeszentrale für politische Bildung). Модераторы ток-шоу: Максим Рябков, Ольга Зуськова; фото: Валерий Гольшейдер; видео: Владимир Семчук; участники Вупперлиткафе, литераторы земли Рейн-Вестфалия: доктор филологических наук Грета Ионкис; поэты и переводчики Татьяна Ивлева, Ефим Шафит и Евгений Каган; переводчик Мария Носилова; поэты и композиторы Моисей Борода, Марина Белоцерковская; поэты Сергей Грановский, Владимир Авцен, Рената Вольф; прозаики Клавдия Лейбова, Елена Ханен, а также немецкий актёр и певец Клаус Грабенхорст, актёры из Санкт-Петербурга Эдуард Гиршов и Марина Мельникова и другие.

Исполнитель песен Булата Окуджавы на немецком языке Клаус Грабенхорст сказал на этом ток-шоу, что благодаря работе над песнями нашего гениального барда, он интегрировался в русскую душу. Замечательные, очень точные слова о взаимовлиянии и взаимообогащении культур! Завершим ими наше предисловие и пожелаем вам хорошего чтения.

GEGENSEITIGE BEREICHERUNG DER KULTUREN

Liebe Leserinnen und Leser!

Die Sprache spiegelt die Mentalität des Volkes, seine Seele, wider. Deshalb kann man durch das Erlernen einer anderen Sprache die nationalen Besonderheiten des betreffenden Volkes und seine Seele besser verstehen. Eine große schöpferische und verbindende Rolle spielen dabei die Übersetzer. Seit einigen Jahren gibt es in unserem Literaturcafé eine Übersetzergruppe, mit deren Hilfe parallele Übersetzungen aus dem Russischen ins Deutsche und aus dem Deutschen ins Russische entstanden sind. Die Übersetzungen wurden in den Almanach „Begegnung der Kulturen“ aufgenommen. Für sein hohes künstlerisches Niveau erhielt die zweite Ausgabe des Almanachs im Jahr 2016 im Wettbewerb „Seine Majestät, das Buch“ ein Diplom der Internationalen Schriftstellergilde. Diese Auszeichnung bestätigt ein weiteres Mal die Wichtigkeit unseres Beitrags zur Annäherung und der gegenseitigen Bereicherung von zwei Kulturen. Der dritten Ausgabe des Almanachs liegen Materialien zugrunde, die von unseren Autoren für die zweisprachige Talkshow „Begegnung der Kulturen: literarische und musikalische Stimmen“ vorbereitet wurden; diese wurde vom Verband der russischsprachigen Eltern e.V. (BVRE) und dem Wuppertaler Elternverein 3x3 e. V. mit Unterstützung der Bundeszentrale für politische Bildung am 16.10.2016 veranstaltet und von Maxim Ryabkov und Olga Zuskowa moderiert. Die Fotos stammen von Valeriy Golsheyder, die Videos sind von Vladimir Semchuk. Unter den Teilnehmern des Literaturcafés Wuppertal waren Dr. phil. Grete Ionkis, Dichter und Übersetzer Tatiana Iuleva, Efim Shafit und Eugen Kagan, Übersetzerin Maria Nossilova, Dichter und Komponisten Moisei Boroda und Marina Bilotserkivska, Dichter Sergej Granowskij, Volodymyr Autsen und Renate Wolf, Schriftsteller Klavdia Leybova, Lena Hanen sowie der deutsche Schauspieler und Sänger Klaus Grabenhorst und Schauspieler Eduard Girschou und Marina Melnikova aus Sankt Petersburg.

Klaus Grabenhorst, der die Lieder von Bulat Okudshawa auf Deutsch singt, hat in dieser Talkshow gesagt, dass er sich dank dessen Lieder in die russische Seele hineinversetzen konnte. Sind diese Worte nicht noch ein Beweis für die Wechselwirkung und die gegenseitige Bereicherung von Kulturen? Wir beenden damit unser Vorwort und wünschen Ihnen viel Vergnügen beim Lesen.

Übersetzung: Olga Reichel

Клавдия
ЛЕЙБОВА

Klavdia
LEYBOVA



Я Уважаемые дамы и господа!

хотела бы из уважения к Клаусу Грабенхорсту представить его по-немецки, но понимаю, что мой русский гораздо лучше приспособлен для этого. Потому прошу тех, кто не знает русского, меня извинить.

Когда мы приехали в Германию, я уже была наслышана от наших бывших коллег по фирме АНТОНОВ о странном молодом человеке, который, не понимая ни слова по-русски, влюбился в песни Булата Окуджавы. И требовал от всех наших, чтобы ему объяснили не только слова песен, но и тайный их смысл. Он чувствовал, что именно это и составляет прелесть поэзии Окуджавы. И он был, безусловно, прав.

Мы познакомились и начали общаться в тот период, когда мой немецкий ограничивался весьма скромным лексиконом: я знала Guten Morgen; Auf Wiedersehen; Hände hoch и сложное слово der Magen, почерпнутое из рассказа Даниила Хармса. Тем не менее через наших друзей, которые уже немного поднаторели, мы вели очень содержательные беседы. А с течением времени, когда и я поднаторела, я, впрочем, как и другие его знакомые, стала делать для Клауса подстрочные переводы текстов.

Клаус сделал перевод более пятидесяти песен Окуджавы. Он очень достойно выступил в Москве на двух вечерах памяти Булата. Но для

того, чтобы это стало возможным, нужны были не только подстрочники. И я в меру моих утлых немецких возможностей вынуждена была говорить и об ауре этих стихов. Например, высказывать мои соображения по тому, что значит «дежурный по апрелю». Или рассказывать биографию Пушкина, чтобы объяснить строчку из стихотворения об А.С. «он губаст и учен, как черт».

Окуджавой дело не ограничилось. Клауса заинтересовала Анна Андреевна Ахматова. И тут уж мне пришлось напрячься и рассказать о символизме, акмеизме и о любовных перипетиях, принятых в Серебряном веке. Теперь вы представляете, какой серьезной школой интеграции обернулась наша встреча с Клаусом.

Однако не могу не заметить, что это был случай обоюдосторонней интеграции. Клаус подружился с моим мужем, для него пел песенку «Мастер Гриша придет, рядом сядет, две больших, две надежных руки у него – всё наладит!» Клаус полюбил нашу кухню, особо то, что мы в Украине называем зеленым борщом, а он в Германии – *deine leckere grüne Suppe*. А после наших нескольких набегов на его дачу, с буйноватым русским пением разных песен к любопытству и явному удовольствию его соседей по даче Клауса стали называть – *der russische Klaus*.

Вот и думайте сами, кто куда интегрировался.

А я с благодарностью за мучение немецкими разговорами, но и с удовольствием представляю его вашему вниманию.

Sehr geehrte Damen und Herren!

Gerne würde ich Klaus Grabenhorst auf Deutsch vorstellen, doch ich verstehe, dass mein Russisch dafür viel besser geeignet ist. Daher bitte ich diejenigen, die kein Russisch verstehen, mich zu entschuldigen.

Als wir nach Deutschland kamen, hatte ich schon oft von meinen ehemaligen Kollegen der Firma Antonow von einem jungen Mann gehört, der sich, ohne auch nur ein Wort Russisch zu verstehen, in die Lieder Bulat Okudschawas verliebt hatte. Und der von uns allen forderte, ihm nicht nur die Wörter, sondern auch ihre geheime Bedeutung zu erklären. Er fühlte, dass gerade das die Schönheit der Poesie Bulat Okudschawas ausmachte. Und er hatte zweifelsohne Recht.

Wir lernten uns kennen, als sich meine Deutschkenntnisse noch auf einen bescheidenen Wortschatz beschränkten: „Guten Morgen“, „Auf Wiedersehen“, „Hände hoch“ und das schwierige Wort „der Magen“, das ich aus einer Erzählung von Daniil Charms kannte. Dennoch führten wir mit Hilfe unserer Freunde, die schon besser Deutsch sprachen, sehr tiefgreifende Gespräche. Und mit der Zeit, als auch ich besser Deutsch sprach, begann ich, wie auch andere Bekannte von Klaus, Interlinearübersetzungen der Texte anzufertigen.

Klaus selbst fertigte Übersetzungen von mehr als fünfzig Liedern Okudschawas an. Er trat sehr erfolgreich in Moskau auf zwei Gedenkabenden zu Ehren Okudschawas auf. Doch damit das möglich war, benötigte er mehr als nur Interlinearübersetzungen. Im Rahmen meiner bescheidenen sprachlichen Möglichkeiten versuchte ich nun, über die Aura dieser Gedichte zu sprechen. So erklärte ich beispielsweise, was nach meinem Dafürhalten mit einem „Wächter des Aprils“ gemeint war oder erzählte die Biographie Puschkins nach, um zu zeigen, wieso es in einem Gedicht über Alexander Sergejewitsch heißt: Er hat volle Lippen und ist gebildet wie der Teufel.

Und es blieb nicht nur bei Okudschawa – Klaus interessierte sich auch für Anna Achmatowa. Hier strengte ich mich an und erzählte vom Symbolismus, von Akmeismus und von der Peripetie, die im Silbernen Zeitalter angenommen wurden. Sie verstehen nun, was unser Treffen mit Klaus für ein ernster Integrationskurs für mich wurde.

Doch ich möchte bemerken, dass es sich um einen Fall beiderseitiger Integration handelte. Klaus freundete sich mit meinem Mann an und sang

für ihn das Lied: „Meister Grischa kommt, setzt sich hinzu, er hat zwei große, zwei verlässliche Hände – er bringt alles wieder in Ordnung!“ Klaus begeisterte sich für unsere Küche, insbesondere für das, was wir in der Ukraine als grünen Borschtsch bezeichnen und er in Deutschland als „deine leckere grüne Suppe“. Und nach ein paar Anläufen auf seine Datscha, mit etwas wildem russischen Gesang unterschiedlicher Lieder, zur Neugierde und auch zum Gefallen seiner Nachbarn, begann man auf der Datscha, ihn „russischer Klaus“ zu nennen.

Wer sich also wo integrierte, das können Sie sich sicher denken.



Грета
ИОНКИС

Grete
IONKIS



Взаимодействие и взаимовлияние русской и немецкой культур имеет 300-летнюю историю. Это и влияние на русское общество уроженцев германских земель хлынувших в Россию после реформ Петра Первого; это и немецкие корни в сказках Пушкина «О старике и рыбке», «О мёртвой царевне и семи богатырях»; это и образы немцев в произведениях Тургенева и Гончарова; это и влияние на Блока и Цветаеву творчества Гейне; это и свыше 400 тысяч россиян в 20-е годы, проживавших в Берлине, среди которых – Горький, Андрей Белый, Ходасевич, Эренбург, Набоков...

История эта так богата, многоаспектна и необъятна, что пятиминутный разговор на этом вечере был бы неизбежно поверхностным.

Я коснусь лишь одного, очень личного, аспекта сегодняшней темы. Это – личное общение, контакты немцев и русскоязычных эмигрантов. Как причудливо иногда переплетаются судьбы! В моём лице перед вами – живой пример иудео-христианской цивилизации. Мой отец – немец, берлинец Вилли Риве, а мать – российская еврейка Сарра Иоффе. После ареста моего отца в 1937 году мать жила в постоянном страхе, моё немецкое происхождение было семейной тайной, о которой я молчала много лет.

Я – человек русской культуры, мой родной язык русский, но это не помешало мне стать специалистом по зарубежной литературе. Две дис-

сертации были связаны с поэзией Англии. Оказавшись в Германии, я сменила ориентиры и обратилась к немецкой культуре, рассказала о её сокровищах русскоязычному читателю в большой книге «Золото Рейна».

В силу нетипичности и, возможно, взрывоопасности моего происхождения я занялась здесь темой непростых отношений между евреями и немцами, написала книгу «Евреи и немцы в контексте истории и культуры».

Сегодня мне хотелось бы рассказать одну интересную историю, которая произошла на перекрёстке культур и истории. В 1950-е годы я кончала Московский педагогический институт. Там со мной учились девушки из ГДР. Одна из них Тамара Шинкель поражала нас прекрасным знанием русского языка, причём не столько литературного, сколько простонародного. Но подругой моей на всю жизнь стала не она, а Эвелина Шелльхаймер, дочь казнённого антифашиста.

Среди многих написанных мною эссе одно посвящено известному немецкому художнику Генриху Фогелеру. В 1920-е годы Фогелер, которого Первая мировая война «перепахала», вступил в компартию, увлёкся идеями социализма. Его заинтересовал опыт Советов в деле воспитания нового человека. Когда-то о воспитании нового человека мечтал Ницше. В своём поместье Баркенхоф в Ворпсведе в 1926 году Фогелер открыл школу-интернат для детей политзаключённых и пригласил на работу учителя-новатора Хельмута Шинкеля, правнука знаменитого прусского архитектора Карла Фридриха Шинкеля, отстроившего в первой половине XIX в. пол-Берлина. Фогелер заразил молодого Шинкеля своим интересом к стране Советов. Когда нацисты запретили их школу и национализировали Баркенхоф, оба уехали в СССР. В 1930-е годы в Москве было много немцев – как специалистов, так и эмигрантов. На Кропоткинской выстроили школу им. Либкнехта для немецких детей, Шинкель стал её директором, а сын Фогелера Ян учился в ней до войны, кстати, вместе с Маркусом Вольфом. В 1937 году Шинкель был арестован и сгинул в Гулаге (погиб в 1948 от пеллагры, как наш Вавилов).

Рукопись эссе, будучи в Берлине, я дала почитать Эвелине. И тут она меня и спрашивает: – А ты помнишь Тамару Шинкель? – Конечно! – Так вот она – дочь Хельмута Шинкеля, и мы сейчас позвоним ей.

Через 2 часа мы были у Тамары. Она и рассказала, что после ареста отца мать с ней, годовалой, была сослана в Сибирь. 12 лет провели в глу-

хой деревне, ничего не зная о судьбе отца. Прожив немало лет в СССР в атмосфере страха, они научились молчать. Потому я не подозревала, что у Тамары такие известные предки, ведь её прапрадед – культовая фигура Германии! Зато стало понятно, откуда у Тамары такой русский язык. Тайна открылась через 70 лет.

Кстати, в школе, которой руководил Шинкель, наша группа проходила практику, но никто ни разу не сказал нам, что до войны это была немецкая школа. И я вела уроки в классах, где звучал голос Шинкеля, поднималась по лестницам, по которым ступал отец Тамары. Вот какие неожиданные повороты, какие пересечения и переклички человеческих судеб! Идеалисты Фогелер и Шинкель, Ганс Шелльхаймер, казнённый в начале 1945-го в Бранденбургской тюрьме отец Эвелины, и мой отец Вилли Риве, арестованный НКВД, когда мне было 2 месяца от роду, и мы, их дети, были распяты на кресте двух тоталитарных режимов XX века. Так что сближают наши страны не только перекрёстки культуры, но и перекрёстки истории.

Seit dem 17. Jahrhundert gab es in Russland Hunderte und Tausende von deutschen Händlern, Handwerkern und Gelehrten. Sie dienten Russland treu und brachten Nutzen. Russische Prosaiker und Dichter wie Puschkin, Gogol, Gontscharow, Turgenew bis hin zum Blok, Zwetajewa wurden von der deutschen Romantik und Philosophie beeinflusst. In 1920er Jahren haben circa 400.000 Russen in Berlin gelebt, darunter Gorky, Nabokov, Belyj, Ehrenburg, Chodasewitsch ...

Diese Geschichte ist so reich an Details, dass ein Fünf-Minuten-Vortrag an diesem Abend natürlich nur oberflächlich ausfallen kann.

Einer der Aspekte des heutigen Themas ist die persönliche Kommunikation. Ich möchte vor allem über diesen Aspekt reden. Wie wunderbarlich sich die Schicksale manchmal verflechten! In meiner Person sehen Sie ein lebendes Beispiel der jüdisch-christlichen Zivilisation. Ich bin die Tochter des Deutschen Willi Riewe und der Jüdin Sara Ioffe.

Ich bin eine Vertreterin der russischen Kultur. Meine Muttersprache ist Russisch, doch ich kenne mich in der ausländischen Literatur gut aus. Zwei Dissertationen widmete ich der englischen Poesie. In Deutschland musste ich mich jedoch umorientieren. Mein Hauptthema ist heute die deutsche Kultur. Ich habe das umfangreiche Buch „Das Gold von Rhein: die Schätze der deutschen Kultur“ geschrieben.

Die Besonderheit meiner Abstammung spornte mich an, das Buch „Juden und Deutsche im historischen und kulturellen Kontext“ zu schreiben. Leider habe ich keinen Sponsor für die deutsche Übersetzung gefunden.

Ich möchte heute eine interessante Geschichte erzählen, die sich an der Kreuzung von zwei Kulturen ereignete.

Meine Kontakte zu den Deutschen reichen bis in die Studienzeit. An der Moskauer Pädagogischen Hochschule studierten in den 50er Jahren einige Mädchen aus der DDR. Tamara Schinkel sprach Russisch auf dem Muttersprachenniveau. Sie beherrschte nicht die Literatursprache, sondern eher die einfache Volkssprache, was mich sehr überraschte. Doch zu meiner besten Freundin fürs ganze Leben wurde nicht sie, sondern Evelyne Schellheimer, die Tochter eines hingerichteten Antifaschisten.

Unter den vielen von mir geschriebenen Essays ist einer dem bekanntem deutschen Maler Heinrich Vogeler gewidmet. Vogeler, den der Erste Weltkrieg quasi „umgekrempelt“ hatte, trat in den 1920er Jahren in die kommunistische Partei ein. Er begeisterte sich für die Ideen des Sozialismus und interessierte sich für das Thema der Erziehung des „neuen Menschen“. Davon träumte früher

Nitzsche. Auf seinem Landsitz Barkenhoff in Wörpswede eröffnete Vogeler 1926 ein Internat für Kinder von politischen Häftlingen und engagierte den progressiven Lehrer Helmut Schinkel, den Urenkel des berühmten preußischen Architekten Karl Friedrich Schinkel, der im 19. Jh. fast die Hälfte von Berlin erbaut hatte.

Vogeler schaffte es, den jungen Schinkel für die Sowjetunion zu begeistern. Als die Nazis ihre Schule verboten und Barkenhoff verstaatlichten, flohen die beiden in die UdSSR. In den 1930ern lebten in Moskau viele Deutsche. Einige ließen sich dort als Fachkräfte nieder, andere waren Emigranten. Für ihre Kinder wurde die Karl-Liebnecht-Schule gebaut. Schinkel wurde zum Direktor, und Vogelers Sohn, Jan, war dort bis zum Kriegsausbruch Schüler, übrigens gemeinsam mit Markus Wolf. 1937 wurde Schinkel verhaftet und verschwand im Gulag, bis er 1948 verstarb.

Als ich einmal Evelyne in Berlin besuchte, gab ich ihr mein Essay-Manuskript zum Lesen. Sie fragte mich: – Erinnerst du dich an Tamara Schinkel? – Natürlich! – Sie ist die Tochter von Helmut Schinkel, und wir werden sie jetzt anrufen.

Zwei Stunden später waren wir bei Tamara. Sie erzählte, dass nach der Verhaftung ihres Vaters ihre Mutter und sie, ein einjähriges Kind, nach Sibirien verbannt wurden. Zwölf Jahre verbrachten sie in einem weit entlegenen Dorf, nichts vom Schicksal des Vaters wissend. Viele Jahre in der UdSSR, lebend in der Atmosphäre der Angst, lernten sie zu schweigen. Deswegen war ich bisher nicht draufgekommen, dass Tamara solche bekannten Vorfahren hatte. Nun wurde mir auch klar, wo Tamara ihr gutes Russisch erlernt hatte. Das Geheimnis lüftete sich nach 70 Jahren. Ich hatte auch viele Jahre über das Schicksal meines Vaters, eines Deutschen, geschwiegen, der ebenfalls wie Schinkel 1937 verhaftet worden war.

Übrigens machte unsere Studentengruppe in der Schule, die Schinkel einst geleitet hatte, ein Praktikum, aber niemand sagte uns, dass in dem Gebäude bis zum Krieg eine deutsche Schule untergebracht war. Und ich unterrichtete in den Klassenräumen, in denen Schinkels Stimme erklingen war, stieg die Treppen hinauf, auf denen Tamaras Vater gegangen war. Welche unerwarteten Wendungen, welche Kreuzungen der menschlichen Schicksalswege! Die Idealisten Vogeler und Schinkel, der Vater von Evelyne, Hans Schellheimer, der Anfang 1945 im Brandenburger Gefängnis hingerichtet wurde, und mein Vater Willi Riewe, der vom NKWD verhaftet wurde, als ich erst zwei Monate alt war, und wir, ihre Kinder – wir alle wurden an das Kreuz der zwei totalitären Regime des 20. Jahrhunderts genagelt. Unsere Länder stehen einander sehr nah, und zwar nicht nur an den Kreuzungen der Kulturen, sondern genauso an den Kreuzungen der Geschichte.

Моисей
БОРОДА

Moisei
BORODA



U

DIE ANTWORT

Vor sechs Jahrhunderten lebte in Spanien, in der Stadt Saragossa, ein großer Thorakenner, Oberhaupt der jüdischen Gemeinde und ihr oberster Richter, Rabbi Eleasar ben Mose. Hunderte suchten bei ihm Rat, bewunderten seine Weisheit. Auch der Stadtherr wusste sie zu schätzen, und solange er lebte, geschah der jüdischen Gemeinde unter Rabbi Eleasars Leitung nichts Böses.

Rabbi Eleasar war fünfundsechzig Jahre alt, als der Stadtherr verstarb. Sein Nachfolger hatte für die Juden nichts übrig, und so verbreitete sich bald in der *Judería*, dem Judenviertel, das Gerücht, der neue Stadtherr warte nur auf die erste Gelegenheit, die Juden aus der Stadt zu vertreiben. Doch seit seiner Einsetzung vergingen drei Monate, es ist nichts dergleichen geschehen, und die jüdische Gemeinde beruhigte sich allmählich.

Es war der letzte Dezembertag des Jahres 1480. Rabbi Eleasar saß wie üblich bei seinem spätabendlichen Thorastudium. Es war still herum, nur leises Knistern der Wachskerze störte die Stille. Plötzlich ertönte ein lautes Hämmern gegen die Haustür. Überrascht, nichts Gutes ahnend, da er in dieser Zeit seiner Beschäftigung mit dem Gesetz noch nie gestört wurde, stand Rabbi auf, ging zum Eingang und öffnete die Tür. An der Schwelle stand der neue Alguacil, der Polizeileiter der Stadt, hinter ihm – zwei Wächter.

Wortlos ließ Rabbi Eleasar den Alguacil hereinkommen und führte ihn auf sein Arbeitszimmer. Die Wächter blieben am Eingang stehen. Der Alguacil schwieg einige Augenblicke, dann sprach er mit intonationsloser, kühler Stimme:

– Die Heilige Inquisition sucht nach einem getauften Juden, der nach Saragossa flüchtete. Sollte er einen von euch um Zuflucht bitten, so muss ihn derjenige zu dir führen. Du aber wirst den Flüchtling an die Stadtwächter ausliefern. Wird das nicht getan, dann werden alle Juden aus der Stadt vertrieben. So ist der Befehl des Stadtherrn.

– Was hat der Mann verbrochen? Ist er von seinem neuen Glauben abgefallen? Heimlich nach unseren Gesetzen gelebt?

– Seit wann mischt sich Saragossaer Judengemeinde in die Sachen des Heiligen Tribunals? – Alguacils Stimme klang betont hart. – Das, was euch angeht, habe ich dir gesagt. Du hast Zeit bis Tagesanbruch, um diese Botschaft an alle Juden der Stadt zu bringen. Und merke dir: mit den Freiheiten, die ihr euch früher erlaubt habt, ist vorbei.

Der Alguacil und die Soldaten gingen. Rabbi Eleasar befahl seinem Diener die Botschaft des Alguacils allen Hausbesitzern in der *Judería* mitzuteilen. Dann begab er sich in sein Zimmer, schlug die Mischna, das Gesetzbuch, auf und begann im Buch zu forschen. Leise las Rabbi aus dem Buch; seine Lippen bewegten sich, die Worte aussprechend. Ermüdend, merkte er nicht, wie er einschlummerte.

Plötzlich spürte er, als ob jemand an der Türschwelle stünde. Er erschauerte, drehte sich um, schaute hin – das war seine Frau. Sie guckte ihn mit einem zornigen Blick an und sagte: Was sitzt du da und forschst? Was suchst du im Gesetz? Wirst du den Fremdling ausliefern? Oder wirst du das nicht tun?“

– Schau mich nicht so an, – sagte Rabbi leise. – Dein Blick zerreit mir das Herz. Ich bitte dich – gehe! Du störst mich.

Doch die Frau ging nicht weg, sondern kam noch näher zu ihm, so nah, dass er ihren keuchenden Atem auf seinem Gesicht spürte.

– Mein Blick zerreit dir das Herz? – Ihre Stimme war voller Wut. – Und das Bild von Frauen, Kindern, Greisen, die im tiefen Schnee durchs wüste Land ins Nirgendwohin wandern – dieses Bild zerreit dir das Herz nicht?

Auf einmal verschwand die Frau, und im gleichen Augenblick ertönte ein leises Klopfen an der Haustür. Rabbi Eleasar schrie auf – und erwachte. Sein Herz bebte.

Das Klopfen wiederholte sich. Rabbi stand auf, nahm vom Tisch die brennende Kerze, ging zum Eingang, öffnete...

Ein Mensch mit hohlwangigem Gesicht stand vor ihm und murmelte etwas, was kaum hörbar war. Rabbi Eleasar winkte dem Fremdling, ihm zu folgen, führte ihn aufs Arbeitszimmer und ließ ihn sich setzen.

– Du scheinst lange unterwegs zu sein. Bist du hungrig? – Der Mann nickte. – Warte. Ich bringe dir das Abendbrot.

Als Rabbi Eleasar mit Speise und Trank aus der Küche kam, sah er, dass der Mensch mit gesenktem Kopf dasaß; er schien eingeschlafen zu sein. Man hörte seinen keuchenden Atem. Plötzlich schlug er die Augen auf, hob den Blick auf Rabbi Eleasar und sagte: „Meine Feinde haben mich bei der Inquisition angeschwärzt, weil...“, doch Rabbi Eleasar unterbrach ihn: „Iss und trinke, kräftige dich!“

Der Mensch aß hastig, und während er aß, warf er ab und zu einen verstohlenen ängstlichen Blick auf Rabbi Eleasar. Gegessen, sprach er *Birkat Hamason*, das Tischgebet. Dann sagte er: Rabbi, ich werde von der Inquisition gesucht...

– Steh auf. Folge mir.

– Wohin führst Du mich? – Die Stimme des Fremden zitterte. – Möchtest du mich aus dem Haus jagen? Den Henkern ausliefern?

– Folge mir.

Vom Fremdling gefolgt ging Rabbi ins Zimmer seines Dieners – der war noch unterwegs und wäre kaum bis zum frühen Morgen zurück zu erwarten – zeigte dem Mann auf das Bett und sagte: „Du wirkst sehr müde. Leg dich hin und ruh dich aus.“ Der Mann warf einen erstaunten Blick auf Rabbi Eleasar, sagte aber nichts, legte sich hin, schloss die Augen und drehte sich um zur Wand.

Rabbi Eleasar kehrte ins Arbeitszimmer zurück und begann weiter im Buch zu forschen. Nie zuvor musste er über das nackte Überleben seiner Gemeinde, um ihr Sein oder Nichtsein kämpfen, und ebenso nie zuvor musste er über das Leben eines Menschen entscheiden, von dem er nichts wusste. Zum ersten Mal spürte er die enorme, die erdrückende Last seiner Stellung, die ihn jetzt auf einen Weg führte, von dem es keinen Ausweg gab.

Bis zum Morgenanbruch suchte Rabbi Eleasar nach einer Lösung. Als die Kathedrale-Glocken die erste Morgenstunde schlugen, stand er auf, ging zum

Bett, wo der Fremde schlief, und legte die Hand auf seine Schulter. Wie vom Blitz getroffen, zuckte der Fremde zusammen, schlug die Augen auf, setzte sich auf den Bettrand, hob den Blick auf Rabbi Eleasar und sagte leise:

– Lass mich bis zur nächsten Nacht bei dir bleiben. In der Nacht gehe ich. Als ich mich zu deinem Haus durchschlich, hat mich keiner gesehen.

– Unglücklicher Mensch, warum bist du zu uns gekommen? Welchen Schutz hast du bei uns gesucht, welche Zuflucht? Wüsstest Du nicht, was der ganzen Gemeinde passiert, wenn nur einer von uns sich der Inquisition widersetzt?

– Du hast mich aufgenommen, Rabbi, hast mir das Brot gegeben, und jetzt lieferst du mich ans Messer! Hast du das Gebot vergessen *Du sollst nicht stehen wider deines Nächsten Blut?*

– Ich weiß, wie schrecklich, wie grausam das ist, was ich tun muss. Aber ich muss es tun. Wenn ich dich jetzt nicht ausliefere, werden alle Juden aus der Stadt vertrieben – alle! So ist der Befehl des Stadtherrn.

– Bist du sicher, er würde das tun?

– So wurde mir gesagt. Die ganze Nacht habe ich nach einem Ausweg gesucht und ihn nicht gefunden – weder in mir selbst noch in den Büchern. Es gibt ihn nicht. Das zerreißt mir das Herz.

– Zerreißt dir das Herz? – Ein bitterböses Lächeln überflog das Gesicht des Flüchtlings. Er stand auf und ging zur Haustür. Rabbi Eleasar folgte ihm. An der Tür befahl der Flüchtling: „Öffne die Tür!“

Vor dem Haus standen bereits zwei Wächter. Sie ergriffen den Flüchtling und führten ihn weg. Im letzten Moment drehte er sich zu Rabbi um und schrie: „Verflucht seist du, du Scheinheiliger. Mein Blut wird an dir für ewig kleben!“ Dann schlug ihn einer der Wächter auf den Rücken und zerrte ihn weg.

Die Nachricht über die Errettung der Gemeinde verbreitete sich in der ganzen *Judería* wie Lauffeuer, und als Rabi Eleasar in die Synagoge kam, nannte man ihn überall „Unser Erlöser“, lobte seine Weisheit. Er aber stand da von Schmerz ergriffen, und jedes Lobeswort stach ihn ins Herz wie eine glühende Nadel. Am Ende des Dankgottesdienstes ließ er den Psalm *Herr, strafe mich nicht in deinem Zorn* rezitieren und betete dann zu Gott, der Allmächtige möge die Gemeinde nicht dafür bestrafen, dass die Menschen in ihrer Freude über die eigene Errettung den Fremden vergessen haben, der

für diese Errettung geopfert wurde. Eine Totenstille trat ein. Bestürzt, wortlos, leise verließen die Versammelten die Synagoge.

Seit jenem Tag spürte Rabbi Eleasar, dass in ihm etwas zerbrach. Zwar führte er nach wie vor seine Gemeinde, seine Gerichtsurteile wurden gelobt, nach wie vor suchte man bei ihm Rat und bewunderte seine Weisheit. Doch des Öfteren erschien von seinem inneren Blick das Gesicht des Geflüchteten, und in seinem Kopf hallten seine letzten Worte: „Mein Blut wird an dir für ewig kleben!“ In solchen Augenblicken ergriff Rabbi Zweifel an allem, was er tat. Das Gesicht des Flüchtlings, seine Stimme verfolgten ihn jetzt auch im Schlaf.

Mitte Januar kam die Nachricht, dass der Flüchtling, des *Criptojudáismo*, des Rückfallens in den jüdischen Glauben bezichtigt, auf dem Scheiterhaufen verbrannt wurde. Als diese Nachricht Rabbi Eleasar erreichte, spürte er, dass ihn seine seelische Kraft verlassen hat.

Am nächsten Tag ließ er in der Gemeinde verkünden, er müsse für einen Monat zu Rabbi Abraham ben Isaak nach Alagon gehen, und bestimmte seinen Stellvertreter, der in dieser Zeit die Gemeinde führen würde.

In jener Winternacht verließ Rabbi Eleasar sein Haus, und seitdem fehlte von ihm jede Spur.

Lange Zeit glaubten die Saragossaer Juden, ihr heiliger Rabbi würde eines Tages zurückkommen und die Geschicke der Gemeinde in seine Hände nehmen. Doch die Hoffnung darauf schwand. Allmählich verbreitete sich der Glaube, Rabbi Eleasar wäre seiner Frömmigkeit wegen ins Reich der Gerechten aufgenommen.

Jedes Jahr bis zum *expulsaba a los judíos*, der großen Vertreibung der Juden aus Spanien im Jahre 1492, feierte die jüdische Gemeinde Saragossas den Tag ihrer Errettung. Man erinnerte sich an den Befehl des Stadtherrn, an die Todesangst, die damals die ganze Gemeinde ergriff, und an Rabbi Eleasars Großtat. Das Schicksal des ausgelieferten Flüchtlings passte zu diesen Erinnerungen jedoch nicht. So verschwand es aus dem Gedächtnis des Volkes, nur noch schwache Spuren hinterlassend – die Spuren, die einem erlauben, die tragische Geschichte eines Mannes zu beschreiben, den sein Schicksal vor einer Aufgabe stellte, die weder er noch ein anderer gerecht lösen konnte.

ОТВЕТ¹

(Рассказ-легенда)

Шесть веков тому назад жил в Испании, в городе Сарагоса, глубокий знаток Торы, глава еврейской общины города и её верховный судья рабби Элеазар бен Мосэ. Ещё юношей он обратил на себя внимание глубокой серьёзностью, преданностью Учению и особым даром находить путь к сердцу каждого, кто к нему обращался. И когда он достиг раввинского посвящения, община с радостью поверила ему свою судьбу. Скоро слава об учёности, мудрости рабби Элеазара вышла далеко за пределы Сарагосы; сотни людей искали его совета, беседы с ним. Не раз просил его о помощи в трудных вопросах правитель города, и пока этот правитель был жив, община не знала притеснений.

Рабби Элеазар приближался к своему шестидесятипятилетию, когда старый правитель скончался. Его преемник с самого первого дня не скрывал своего враждебного отношения к евреям, и скоро в хударии² поползли слухи, что он ждёт первого удобного повода, чтобы изгнать их из города. Но прошло три месяца со дня его воцарения, то, чего община так боялась, не случилось – и евреи вздохнули и постепенно успокоились.

В один из декабрьских вечеров, когда рабби Элеазар, придя из синагоги – жена и трое его детей уже спали – сел за свой стол, чтобы продолжить изучение Торы, тишину дома, до того нарушаемую лишь потрескиванием стоящей на столе свечи, взорвал громкий стук у входной двери.

Не предвидя ничего хорошего – в такое время никто из общины не решился бы нарушить покой его занятий – рабби медленно встал, пошёл к выходу, открыл дверь. На пороге стоял новый альгвазил-майор³, за ним – два солдата городской стражи.

¹ Рассказ не является переводом рассказа „Die Antwort” – он написан много позже на тот же сюжет с сохранением всех основных линий и событий, т.е. является в такой же степени оригинальным, как и «первоисточник».

² Худерия (исп. *judería* = *xuderia*) – квартал города в средневековой Испании, в котором евреи должны были в силу закона селиться.

³ Альгвазил (исп. *alguacil*) – судебный исполнитель вообще, в том числе – и инквизиционных трибуналов... На практике альгвазилы могли исполнять и обязанности «чиновников особых поручений».

Без слов провёл рабби Элеазар альгвазила в свою комнату, предложил ему сесть, на что тот лишь покачал головой и продолжал стоять там же, где, войдя, остановился. Выждав длинную паузу – может быть, ожидая тревожного вопроса, что могло привести его сюда, а может быть, желая придать особый вес тому, что собрался сказать – он произнёс чётким, размеренным, лишённым интонации голосом, глядя поверх головы рабби Элеазара:

– Святая инквизиция ищет бежавшего из своего города крещёного еврея. Нам известно, что путь его...

– Ты позволишь мне сесть, достопочтенный альгвазил?

– Я попросил бы тебя, достопочтенный рабби, выслушать то, что я говорю, не прерывая. Повторю: путь беглеца лежит через Сарагосу. Не позднее чем завтра он должен быть здесь – его видели по дороге в наш город. ...Да, он уже бывал в Сарагосе по торговым делам. Поэтому он и побегал сюда, чтобы скрыться среди твоих людей. ...Теперь выслушай приказ правителя. Тот, у кого беглец попросит ночлега, должен отвести его к тебе домой, ты же передашь беглеца городской страже. Если беглец останется у принявшего его хозяина или у тебя хотя бы на один день, все евреи будут изгнаны из города. Не будет пощаждён никто – ни младенец, ни старик, ни женщина. – Альгвазил посмотрел рабби Элеазару в глаза. – Запомни это.

– Что совершил этот человек?

– С каких пор, – тон альгвазила сделался грубо-надменным, – евреи Сарагосы настолько осмелели, что позволяют себе вмешиваться в дела святой инквизиции? То, что совершил беглец, касается только Священного Трибунала. То, что касается вас, я тебе сказал. У тебя есть время до утра, чтобы оповестить об этом всех в хударии.

– Ты простишь мне мой вопрос, достопочтенный альгвазил, но разве твоя стража не может задержать беглеца до того, как он войдёт в хударию?

– Я прощаю тебе этот вопрос, достопочтенный рабби. – По лицу альгвазила пробежала злая усмешка. – Да, моя стража может задержать беглеца у ворот хударии. Но мы не будем этого делать. Ты спросишь, почему? Потому что так станет сразу ясным, чего стоит ваша верность. Учти, рабби, и не дай тебе Бог забыть об этом: срок у тебя – до утра. С утра то, о чём я тебе сказал, вступает в силу. И ещё, рабби: с вольностями, какими вы пользовались раньше, при прежнем правителе, покончено.

Альгвазил и солдаты ушли. Рабби Элеазар разбудил слугу и приказал ему оповестить всех домохозяев в хударии о приказе правителя. Потом он вернулся к себе, взял с полки книгу Мишны, положил на стол, сел и раскрыл книгу. Глаза его шли от строчки к строчке, губы шёпотом произносили знакомые слова, но мысли его были далеко. Впервые с того дня, когда он стал главой общины, судьба поставила его перед страшным выбором, перед задачей, которую ему, может быть, не решить.

Внезапно он почувствовал, как на него навалилась тяжёлая усталость. Он пытался отогнать сон, его губы ещё продолжали шёпотом произносить то, что читали уже слипающиеся глаза – но дрема уже одолевала его. Он засыпал...

Вдруг он почувствовал, что кто-то стоит в проёме двери. Он резко обернулся... На пороге стояла его жена. Она стояла и пристально смотрела на него, стояла и смотрела, не произнося ни слова.

– Что тебе надо? Почему ты пришла? Разве ты не видишь, что помешала мне? Прошу тебя: уйди.

Она не ответила ничего, продолжала молча, не мигая, смотреть на него, словно бы видела его в первый раз.

– Не смотри на меня так. Твой взгляд разрывает мне сердце.

– Мой взгляд разрывает тебе сердце, говоришь ты? – Её тихий голос дрожал от еле сдерживаемой ярости. – А картина исхода, когда женщины, дети, старики бредут, коченея от холода, от селения к селению, от города к городу, не находя нигде пристанища, – эта картина не разрывает тебе сердце? Что ты ищешь в твоих книгах? Какое решение хочешь в них найти? Или на одной чаше весов – не сотни людей, которые доверили тебе свою жизнь, своих детей, твои собственные дети, я, а на другой – не неизвестный кто-то? О нём думаешь ты, о нём, о котором ты ничего не знаешь! Даже и то неизвестно тебе, принял ли он крещение по своей воле или под угрозой смерти!

– Я ведь просил тебя: уйди. Ты мучаешь меня, ты...

Внезапно стоящая в проёме двери женщина исчезла. Несколько мгновений в доме стояла тишина, и в эту тишину вдруг вошёл прозвучавший тихим щелчком стук у входной двери. Рабби вздрогнул – и проснулся. Сердце колотилось у него в груди, стесняя дыхание.

Стук у двери повторился, и в то же мгновение часы на башне собора пробили три.

С бьющимся сердцем встал рабби Элеазар из-за стола, пошёл к входной двери и прислушался. Незнакомый кто-то стоял за дверью, переступая с ноги на ногу, часто и прерывисто дыша. Рабби полуоткрыл дверь. У порога стоял человек с бледным лицом, ввалившимися щеками; в его дыхании отчётливо слышался хрип. Человек тихим, еле слышным голосом что-то быстро сказал, из чего можно было разобрать только первое слово: «Рабби...»

Без слов впустил рабби Элеазар пришедшего в дом, закрыл за ним дверь и провёл его в свою комнату.

– Ты проделал долгий путь? – Пришедший ничего не ответил. Было видно, что его бьёт дрожь. – Сядь поближе к жаровне, согрейся. Но ты ведь, наверное, и голоден? – Пришедший несколько раз кивнул головой. – Посиди, я принесу тебе поесть.

Ел он быстро и жадно, бросая время от времени на рабби Элеазара испуганный взгляд. Кончив есть, произнёс *Биркат Хамасон*¹, закрыл глаза, опустил голову и долго сидел так, не произнося ни слова. Слышно было лишь его хриплое, со свистом дыхание.

Внезапно он поднял голову и посмотрел рабби Элеазару в глаза: Рабби, меня ищут... ищет инквизиция... Помоги мне, спрячь... Хотя бы ещё на одну ночь. ...Почему ты ничего не отвечаешь? Ты ведь думаешь, что я мешумад? Что я крестился добровольно? Чтобы спасти моё дело?

– Не время об этом говорить. Иди за мной.

– Куда ты ведёшь меня? Ты... ты хочешь выгнать меня из дома? Выгнать навстречу моим мучителям?

– Следуй за мной.

Рабби Элеазар прошёл в комнату слуги, беглец медленными, неуверенными шагами, оглядываясь по сторонам, следовал за ним. Слуги ещё не было, и вернуться он должен был не скоро.

– Ты выглядишь усталым. Ложись на эту постель, постарайся отдохнуть.

– А ты, рабби, где будешь ты? – Рабби Элеазар ничего не ответил. Беглец лёг, закрыл глаза и повернулся лицом к стене.

¹ Еврейская застольная молитва (после еды).

Рабби вернулся к себе и, раскрыв книгу Законов, вновь попытался читать. Слова, обращённые к нему женщиной из его сна, кольхались в душе, прерываясь словами пришельца: «Помоги мне, спрячь...» Впервые с того дня, как он стал главой общины, почувствовал он как раздавливающие тяжёл лежащий на его плечах груз.

Долго сидел он, вчитываясь в строки Закона, ища опору тому, что он должен сделать. Вновь и вновь перечитывал он слова «Если община в опасности, чужой может быть выдан», и вновь звучал в его душе голос человека, искавшего у него защиты.

Когда часы на башне собора пробили шесть утра, он встал, прошёл в комнату слуги – тот ещё не вернулся – и, подойдя к постели, тронул спящего за плечо. Беглец вздрогнул как от ожога, открыл глаза, сел на край постели и поднял взгляд на рабби Элеазара.

– Позволь мне остаться у тебя до следующей ночи, – произнёс он тихим голосом. – Ночью я уйду. Когда я пробирался к тебе, меня не видел никто. Никто не знает, что я сейчас у тебя. И никто не...

– Несчастный, зачем ты пришёл к нам? Какого приюта, какой защиты искал ты у нас? Или не знаешь ты, что может случиться со всей общиной, если хоть один из нас, один-единственный противопоставит себя инквизиции? Или там, откуда ты бежал, не так? – Беглец опустил голову.

– Об одной ночи просил я тебя – и ты отказываешь мне даже в этом? – произнёс он тихо. – А может быть, – он поднял голову и посмотрел рабби Элеазару в глаза, – ты решил выдать меня городской страже? А? Что же ты молчишь? Или это был не ты, кто принял меня, накормил? И сейчас ты выдаёшь меня палачам? «Священному Трибуналу»? Или ты, о чьей мудрости, справедливости, добром сердце идёт слава по всей Испании, забыл заповедь «Не стой на крови ближнего своего!» Или ты поступаешь со мной так, потому что я в твоих глазах мешумад, отступник?

– Не в моей власти ни судить, ни даже выслушивать тебя. То, что ты сделал или не сделал – о том может судить суд твоей общины.

– И тем не менее ты осуждаешь меня на смерть?

– Я знаю, как страшно то, что я сейчас вынужден сделать. Но я не могу иначе. Если я не выдам тебя сейчас, все евреи будут изгнаны из города – все, до последнего грудного младенца. Таков приказ правителя. Я вижу бредущих по заснеженному полю женщин, детей, стариков, вижу, как тот или другой,

обессилев, падает на дорогу, как к нему приближаются идущие за ним и как, подойдя, они понимают, что он уже никогда больше не встанет. Я слышу плач и крик младенцев у иссохших грудей их матерей, вижу, как женщины рвут на себе волосы от горя и отчаяния. Всю ночь сидел я над книгами, искал выхода – и не нашёл его, и понял, что его нет. Это разрывает мне сердце.

– Разрывает тебе сердце? – лицо беглеца исказилось жестокой, злой усмешкой. Он рывком встал и пошёл к входной двери. Рабби Элеазар шёл вслед за ним. У двери беглец сказал, не оборачиваясь: «Открой!»

У входа стояли двое стражников. Они связали беглецу руки и повели его по дороге. В последний момент он обернулся в сторону стоявшего у порога рабби Элеазара и крикнул: «Будь ты проклят, лжесвятой рабби!» Один из стражников рванул его к себе, ударил по спине – и беглеца увели. Рабби стоял у порога своего дома, глядя вслед уводимому, стоял и тогда, когда стражники и шагающий между ними человек исчезли из виду. Потом он медленно вошёл в дом и закрыл на засов дверь.

Весть о спасении общины в считанные часы облетела хударюю, и когда рабби Элеазар пришёл в синагогу, его со всех сторон обступили мужчины, в слезах называя его «нашим спасителем», превознося его святость, мудрость, справедливость. Он же стоял в этом море хвалебных слов, и душа его трепетала от боли, и каждое из слов хвалы прожигало его, как вонзённая в тело раскалённая игла.

В конце благодарственного богослужения он встал со своего места, повернулся лицом к собравшимся и посмотрел в глубину зала. Воцарилась мёртвая тишина. Несколько мгновений стоял он так, и каждому казалось, что именно на него направлен этот взгляд, в котором не было ничего кроме глубокой печали, и многие, не выдержав этого взгляда, опустили головы. И в этой тишине прозвучали слова молитвы, с которой рабби Элеазар обратился к Вс-вышнему, прося Его, чтобы Он в своём милосердии не покарал общину за то, что люди, в своей радости освобождению от опасности, забыли о человеке, ради этого освобождения пожертвованном.

Каждое из слов рабби, произнесённое тихим голосом, гулко отдавалось в тишине от стен синагоги, заполняло собой всё её пространство. В полном молчании, подавленные неожиданностью, боясь даже громко дышать, внимали собравшиеся словам молитвы, в конце её ответив тихим «Амэн». Но и после того, как молитва закончилась, все оставались

на своих местах, прикованные к ним непонятной им силой. Потом молча, не поднимая глаз друг на друга, собравшиеся покинули синагогу.

С этого дня рабби Элеазар почувствовал, что в его душе что-то надломилось. По-прежнему вёл он дела общины, по-прежнему десятки и десятки людей шли к нему за советом, по-прежнему его приговоры в суде признавались без возражений обеими сторонами, ибо он обладал редким даром соединять верность Закону и милосердие. Но теперь, когда он выносил свой приговор, ему чем дальше, тем чаще вспоминалось лицо беглеца, и эхом отдавались в душе слова его проклятия. В такие моменты рабби Элеазара охватывало сомнение во всём, что он делал в течение своей жизни. Память услужливо подсказывала ему все случаи его ошибок, и проходили дни, прежде чем он мог побороть это состояние.

В середине января пришло известие, что беглец, выданный им, был обвинён в «криптоюдаизме», тайном возвращении к еврейской вере, и по приговору трибунала инквизиции сожжён на костре. И когда это известие достигло рабби Элеазара, он понял, что душевно сломлен, и что такой, какой он есть сейчас, он не может быть главой общины, не может держать в своих руках её судьбу. На следующий день он созвал к себе старейшин общины и сказал им, что должен на месяц уехать из города, и что на это время община будет управляться одним из них по их выбору.

В ту же ночь рабби Элеазар покинул свой дом, и с этой ночи след его пропал.

Долгое время евреи города верили, что настанет день – и их святой рабби вернётся к ним и снова возьмёт в свои руки судьбу общины. Но шло время, о рабби не было никаких известий, и надежда эта угасла. Постепенно в общине укрепилась вера в то, что их рабби, в заслугу его святости, был живым вознесён в Царство Праведников...

Каждый год вплоть до *expulsaba a los judíos*, изгнания евреев из Испании, евреи Сарагосы отмечали день освобождения общины от смертельной опасности. Они вспоминали приказ главы города, свой страх и то великое, что сделал рабби Элеазар.

Судьба беглеца нарушала торжественность этих воспоминаний, и память о нём постепенно исчезла, оставив едва ощутимый след, ведущий к истории человека, чей жребий поставил его перед задачей, решить которую ни ему, и никому другому не было и не могло быть дано.

Елена
ХАНЕН
Lena
HANEN



М РУССКИЙ МАГАЗИН

не нравится иногда захаживать в маленький магазинчик, который у нас, в немецком городе Н., называют «Русским». Хотя точнее бы было его назвать «Советским». А ещё вернее – «Дефициты советского времени»...

Вот знакомые с детства синие-белые зигзаги на банках сгущенки. Вот – «Печень трески», «Горбуша» и даже «Завтрак туриста». Банки свиной и говяжьей тушенки, не обремененные бумажными этикетками, как и в старые добрые времена...

Стеклянные банки с баклажанной икрой. Впрочем, не только «заморской», но и всякой другой икры навалом: хочешь – в баночках, хочешь – в развес. А вот соусы – майонез «Провансаль», «Аджика», а рядом, в стеклянной баночке, что-то помидорно-чесночное с надписью «Хреновина».

А вот лежат бурые куски хозяйственного мыла. Рядом – суконные боты, которые моя бабушка называла «Прощай, молодость!»

– Дочка, а соль за семь копеек кончилась, что ли? – спрашивает продавщицу бабушка в цветастом платочке. Она привыкла так называть крупнозернистую бурюю соль с несъедобными примесями в грубой бумажной упаковке. Сейчас такой товар стоит одно евро, его раскупают, чтобы солить огурцы. С чистой немецкой солью так вкусно не получается.

Вот индийский чай. Чтобы покупатели не докучали продавцам одними и теми же вопросами, на упаковке крупно написано: «Тот самый индийский чай». А на обертках «Пломбира» и «Лакомки», наваленных кучей в прилавке-холодильнике, тоже уточняется: «Вкус, знакомый с детства»...

Я покупаю в русском магазине молочные шоколадки «Аленка» – с милой девочкой в платочке на обложке. И еще конфеты – «Мишку на севере», «Петушок – золотой гребешок».

– Света, у вас пельмешки сегодня в *ангеботе*? – спрашивает женщина с корзинкой.

– Нет! В *ангеботе* у нас сегодня хакфляйш! – бодро отвечает продавщица. Это означает, что на пельмешки сегодня скидки нет, зато есть на мясной фарш.

Напитки – какие хочешь. Квас, «Тархун», «Чебурашка», «Буратино». А вот пиво «Жигулевское», а рядом – вобла...

Товаров много, и народу в магазине всегда много. Даже очереди иногда выстраиваются. Все как тогда. А вообще-то, многие заходят в магазин не только что-то купить, а просто потолкаться среди своих, поболтать по-русски. Чужие здесь не ходят.

Однажды, выбирая пельмени, я посмотрела, кто же их производит – неужели из России везут? Ага, очень им надо так далеко транспорт гонять – сибирские пельмешки в Мюнхене лепят. А «Хреновину» из Брауншвейга привезли. Впрочем, какая разница! Ведь главное, что это – «ВКУС, ЗНАКОМЫЙ С ДЕТСТВА»...

RUSSISCHER LADEN

Ich gehe gerne ab und zu in ein kleines Lädchen, das in unserer deutschen Stadt als „Russischer Laden“ bekannt ist. Obwohl, genauer gesagt, sollte es besser „Sowjetischer Laden“ heißen. Und noch präziser – „Sowjetischer Mangelmarkt“.

Die aus der Kindheit bekannten Dosen mit gezuckerter Kondensmilch und blau-weißem Zick-Zack-Muster stehen in den Regalen. Da sehe ich auch „Kabeljauleber“ und „Buckellachs“ und sogar „Frühstück für Touristen“, Büchsenfleisch ohne jegliche Etiketten – wie in den „guten alten Zeiten“.

Es gibt Gläser mit Auberginenpüree, was die Russen komischerweise als „Auberginenkaviar“ bezeichnen. Außerdem: Den richtigen Kaviar bekommt man hier in jeder Menge – in Dosen und auch frisch abgewogen. Die Mayonnaise „Provencal“ und scharfe „Adjica“ stehen neben einem Produkt aus Tomaten, Meerrettich und Knoblauch namens „Chrenovina“.

Und da liegen grau-braune, grobgeschnittene Blöcke von Seife, daneben – ein Paar Filzschuhe, die meine Großmutter „Ade, meine Jugend!“ nannte.

„Töchterchen, ist das Salz für sieben Kopeika schon ausverkauft?“ – fragt die alte Frau im Kopftuch mit Blümchenmuster.

Sie ist es gewohnt, das grobkörnige, bräunliche Salz mit Fremdkörpern in der Papierverpackung so zu nennen. Allerdings, diese Packung kostet hier nun einen Euro und wird für zumeist für eingelegte Gurken gebraucht. Seltenerweise schmecken die Gurken mit dem weißen, guten deutschen Salz überhaupt nicht so lecker.

Ich sehe im Regal einige Packungen „Indischer Tee“. Um der Verkäuferin Fragen und Zeit zu ersparen, steht auf der Verpackung in großen Buchstaben geschrieben: „Das ist derjenige indische Tee, der so schmeckt wie früher“. Auch auf der Folie vom Eis wie „Plombir“ und „Lakomka“ wird extra noch einmal darauf hingewiesen: „Der Geschmack, den wir ihn aus unserer Kindheit kennen“.

Ich kaufe im russischen Lädchen eine Tafel Milkschokolade „Aljenka“.

– Das liebe Mädchen mit dem Kopftuch guckt aus der Verpackung. Und noch Schokopralinen „Bärchen des Nordens“ und „Hähnchen mit dem goldenen Kamm“.

„Sveta, *segodnja* Pelmeni v Angebote?“ – fragt die Frau mit dem Einkaufskorb.

„Net! V Angebote *segodnja* Hackfleisch!“ – antwortet die Verkäuferin sofort.

Das bedeutet – heute gibt es kein Angebot für Pelmeni, aber für das Hackfleisch schon.

Die Getränke gibt es für jeden Geschmack: Kwas, Tarchun, Tscheburaschka, Buratino, sogar das Bier „Zhigulewskoe“, und dazu getrockneter Fisch...

Es gibt jede Menge Ware im russischen Lädchen und immer ist es voller Menschen und manchmal gibt es lange Schlangen. Auch wie in den „guten alten Zeiten“ übrigens, wie damals. Allerdings kommen die Leute hierher nicht nur, um etwas zu kaufen, sondern um sich mit den Landsleuten zu treffen und auf Russisch zu plaudern.

Einmal habe ich mich gefragt: „Wo werden die sibirischen Pelmeni eigentlich produziert?“ In Russland? Von wegen! So weit weg braucht man nicht zu suchen! Die sibirischen Pelmeni kommen aus München. Die „Chrenowina“ wird in Braunschweig gemacht. Na und? Ist doch egal! Hauptsache, wir bekommen den „Geschmack, wie wir ihn aus unserer Kindheit kennen“.

Übersetzung: Lena Hanen

Ромен
НУДЕЛЬМАН
Romen
NUDELMANN

Андреас ГРИФИУС
(1616 – 1664)

Б

РАССВЕТ

леднеет россыпь звезд, пора им свет убавить,
Смеясь, рассветный луч Диану осветил,
Он легкий ветерок небрежно разбудил,
Поднял пернатый люд пришедший день восславить.

Все так спешат свой поцелуй оставить.
Чтоб быть известным, не жалеют сил.
Заметен тот, кто голову склонил
К твоим ногам, чтобы дела поправить.

Так прочь, густая ночь, окутавшая тьмой
Больное сердце и усталый разум мой!
Пусть дух и вера крепнут бесконечно!

Хочу один сегодня быть твоим слугой.
Позволь! И если смерть наступит в день такой,
Твой свет родной светить мне будет вечно!



Andreas GRYPHIUS
(1616 – 1664)

MORGEN SONNET

Die ewig helle Schar will nun ihr Licht verschlissen,
Diane steht erblaßt; die Morgenröthe lacht
Den grauen Himmel an, der sanfte Wind erwacht
Und reizt das Federvolk, den neuen Tag zu grüßen.

Das Leben dieser Welt eilt schon die Welt zu küssen,
Und steckt sein Haupt empor, man sieht der Strahle Pracht
Nun blinken auf der See: O dreimal höchste Macht
Erleuchte den, der sich jetzt beugt vor deinen Füßen.

Vertreib die dicke Nacht, die meine Seel' umgibt,
Die Schmerzen Finsternis, die Herz und Geist betrübt.
Erquicke mein Gemüth und stärke mein Vertrauen.

Gib, dass ich diesen Tag in deinem Dienst allein
Zubring' und wenn mein End' und jener Tag bricht ein,
Daß ich dich, meine Sonn, mein Licht, mög' ewig schaue

ВЕЧЕР

Короткий день истек. Для птицы и для зверя,
И для усталых толп настало время сна.
На черном флаге ночи – звезды и луна.
Всяк спит в норе. Какая времени потеря!

Мы пролагаем курс, советам карт не веря.
Корабль ведем туда, где смерть таит волна.
Не дорожим добром, что жизнь дает сполна.
По трассе скоростной спешим к финальной двери.

Великий Бог! На том пути споткнуться мне не дай!
От всех соблазнов отврати, быть стойким помогай!
Твой вечный благодатный свет – опора мне в борьбе.

Когда усталый я засну, пусть бодрствует душа,
В последний вечер в мир взгляну и смолкну, не дыша –
Ты из долины вечной тьмы возьми меня к себе.

ABEND

Der schnelle Tag ist hin / die Nacht schwingt ihre Fahn /
Und führt die Sternen auff. Der Menschen müde Scharen
Verlassen Feld und Werck / wo Thir und Vögel waren
Traurt itzt die Einsamkeit. Wie ist die Zeit verthan!

Der Port naht mehr und mehr sich zu der Glider Kahn.
Gleich wie diß Licht verfil / so wird in wenig Jahren
Ich / du / und was man hat / und was man siht / hinfahren.
Diß Leben kommt mir vor als eine Renne-Bahn.

Lass hoechster Gott / mich doch nicht auff dem Lauffplatz gleiten /
Lass mich nicht Acht / nicht Pracht /
nicht Lust nicht Angst verleiten!
Dein ewig-heller Glantz sey vor und neben mir /

Lass / wenn der müde Leib entschläfft / die Seele wachen
Und wenn der letzte Tag wird mit mir Abend machen /
So reiß mich aus dem Thal der Finsternüss zu dir.

Марина
ГЕРШЕНОВИЧ

Marina
GERSHENOVICH

Маша КАЛЕКО

МОСЕННЯЯ МЕЛАНХОЛИЯ

Мой сад не вянет.
У меня нет сада.
Нет дома, где бы ветер плакал от досады.
Не причиняет боли туч свинцовых клетка,
поскольку небо вижу я и так довольно редко.
Я к звездам не стремлюсь уже, как прежде.
Мне газовый фонарь укажет путь к надежде.
Не огорчит беда, не впечатлит отрада.
Мне осень не страшна,
ведь у меня нет сада...



Masha KALÉKO

HERBST-MELANCHOLIE

Mir welkt kein Garten.
Ich habe keinen.
Kein Haus, durch das Oktoberwinde weinen.
Mir tut das schwärzeste Gewölk nicht weh,
Weil ich so selten nur den Himmel seh.

Ich ziel nicht mehr auf goldne Himmelssterne.
Mich tröstet eine kleine Gaslaterne.
Mich täuscht kein Glück, enttäuscht kein Warten.
Mich schmerzt kein Herbst,
Mir welkt kein Garten...

Евгений

КАГАН

Eugen

KAGAN

*Христиан ГРАФ ЕКК
(1645–1706)*

Н ЯЗЫК ОЧЕЙ

Нет, глаза совсем не ждут,
Чтоб раскрылся рта редут,
Как не ждут того, что рот
Вдруг свой промысел начнёт,
В ус уста и дуть не чают, –
Очи чуют, замечают
И кумекают в тиши,
Что потребно для души.

Споро выразят глаза,
Что и сердцу знать нельзя:
Отразят живые очи
То, что знать оно не хочет;
Много больше скажет взгляд,
Чем все речи говорят.



Christian GRAF ECK
(1645–1706)

DIE AUGENSPRACHE

Nein, die Augen warten nicht,
Bis der Mund sein Amt verricht't,
Denn sie merken und verspüren,
Eh sich noch die Lippen rühren,
Und begreifen in der Still,
Was die Brust entdecken will.

Nein, die Augen können bald,
Was im stummen Herzen wallt,
Heimlich zu verstehen geben;
Jeder Blick ist voller Leben,
Ja sie zeigen mehrers an,
Als man öfters sagen kann.

Счастлив будет, кто поймёт,
Глаз как промысел идёт.
Пусть язык уже повязан,
Знаю средство без отказа:
Безъязык, без лишних! – слов, –
Счастья миг УЗРЁТЬ готов.

Эрнст РАЙЛИНГ

ЖИЗНЬ

Центр города санируется
старое ликвидируется

Структура уничтожается
деловое здание водружается

Парковки забиты
детки забыты

Деревья вырубаются
строительство расширяется

Всё для авто
горожанин никто

На рост расчёт
старики не в учёт

Выделили для себя выгоду в деле
человека не выглядели

Der ist glücklich, der versteht,
Wie der Augen Uhrwerk geht.
Wann die Zunge schon gebunden,
Ist ein Mittel doch erfunden:
Wie man ohne Sprachverstehn
Kann die Glückesstunde sehn.

Ernst REILING

LEBEN

Stadtkern saniert
Altes ausradiert

Struktur vernichtet
Geschäftshaus errichtet

Parkplatz vermessen
Kinder vergessen

Bäume gefällt
Ausbau erstellt

Auto favorisiert
Stadt lädiert

Auf Wachstum versessen
die Alten vergessen

Profit beachtet
den Menschen mißachtet

ПИРАМИДА ХЕОПСА 51⁰
или «ШПАГАТ ВРЕМЁН»¹

Рождён не в виртуальной ворожке –
фантомный – не музейный! – экспонат, –
в монументальность влит, кручён, как гад, –
превосходящий всё ВРЕМЁН ШПАГАТ,
что больно вопиюще жрёт, рогат,
невьявленный жалкий суррогат:
остаток жизни, сужденный тебе
во временем зауженной судьбе.

Перед лицом поверхностности, с коей
Харон шутя игру времён вершит, –
начальство брэнное! – свой кайф временщиковый –
поймай и к прочим кайфам поспеши.

На этом фоне: оборвись лишь нитка!.. –
всё, что останется, всё то, что сохранится, –
возводится вдруг в градус «бесконечность»
(либо ещё какая-нибудь «вечность») –
без гамлетов с их «Быть или не быть?..»

Но... чтоб чего-то там не позабыть,
потребно скрупулёзно всё проверить
и пирамиду заново замерить
по «склонностям» её; «обыкновениям»:
тенденции – стабильной или временной –
с углом наклона, равню разувесистым
к подъёму и упадку человечества;
чтоб усомниться было – мол: «и речи нет!» –
что в градусах, что в гражданах-то! – нечего
(в замерах упомянутых, конечно,
не потеряв параметр «человечность»).

CHEOPSPYRAMIDE 51°

Ins Monumentale gegossener Spagat
der Zeit
übersteigt
den Rest der dir noch bleibt
wenn di Lebenszeit ihr Kleid
abstreit

Angesichts des Winkels der Oberflächlichkeit
mit der die Zeit ihr Spiel abwärts
treibt
vorübergehende Obrigkeit
Härte Spaß dein Leid

was bleibt bestehen
wird zum Grad der Unendlichkeit
ist es vermessen
die Pyramide neu zu bemessen
um in der Neigung

beim Aufstieg und Fall der Menschheit

die Menschlichkeit
nicht zu vergessen

¹ Почти аутентичное (с разрешения и одобрения автора немецкого оригинала – чуть вольное) переложение Евгения Кагана.

Владимир
АВЦЕН

Volodymyr
AVTSEN

*Эмиль РИТТЕРХАУЗ
(1834 – 1897)*

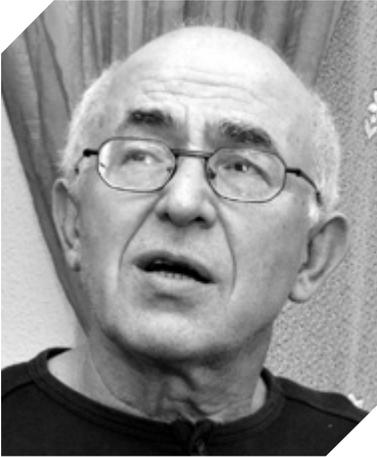
С

СПРОСИЛ Я У СОЛНЦА

спросил я у Солнца: «Что звать мне любовью?»,
Оно мне в ответ подарило лишь свет.
Спросил у цветка я: «Что звать мне любовью?»,
Он лишь аромат подарил мне в ответ.

Спросил я у Бога: «Любовь – это святость
Иль сладкое между людьми баловство?»
Бог верную дал мне супругу на радость –
С тех не пытаю о том никого.

Перевод Владимира Авцена



Emil RITTERHAUS
(1834 – 1897)

ICH SPRACH ZUR SONNE

Ich sprach zur Sonne: „Sprich, was ist die Liebe?“
Sie gab nicht Antwort, gab nur gold'nes Licht.
Ich sprach zur Blume: „Sprich, was ist die Liebe?“
Sie gab mir Düfte, doch die Antwort nicht.

Ich sprach zum Ew'gen: „Sprich, was ist die Liebe?“
Ist's heil'ger Ernst, ist's süße Tändelei?
Da gab mir Gott ein Weib, ein treues, liebes,
Und nimmer fragt' ich, was die Liebe sei.

НА ЗАРЕ ТЫ МЕНЯ НЕ БУДИ!

– Хорош спать!!! – громыкает в телефонной трубке в 7 утра. Это у бабы Лены *завместо* «здрасьте» или «добраутра». Впрочем, бабой Леной именуется она себя сама, нас просит звать её – просто Лена. И эта «Лена» ей очень подходит, несмотря на её восемьдесят с гаком...

Я лёг сегодня в 3 утра, заснул к 4-м... Прежде чем ответить, успеваю подумать, что в принципе неплохо, если тебя по утрам будит женщина, но лучше б не по телефону, ну и чтоб гаков поменьше... Естественно, оставляю этот пассаж при себе. И не только из уважения к возрасту абонентки.

Человек симпатичный, уважаемый, наша, можно сказать, иммигрантская достопримечательность Лена до сир пор шутя управляется со скалкой; целыми днями носится по каким-то только ей ведомым делам по Вупперталю; бывает на концертах; посещает многочасовые дневные литературные и всенощные бардовские посиделки, где может при случае огоршить местных эрудитов безответным вопросом об авторстве классического, но не слишком известного опуса; не так давно съездила волонтером в Израиль, трудилась там в поте лица своего, перебирая, как когда-то в советской молодости, картошку на их складах: внесла таким макаром свою лепту в обустройство Земли обетованной и по приезде, зело гордясь, клеймила позором нас, современную шестидесятилетнюю молодёжь, не способную на подобные подвиги...

Обычно на заре Лену одолевают важные вопросы. Если эстетические, то это с неизменным *«хорошспать»* – ко мне. Что я думаю о новой книге Т. И.? Где будет вечер поэтессы М. Г.? Когда очередная встреча в Вупперлиткафе? Возможны варианты...

– Хорош спать!!! – громыкает трубка.

– Дык... уже ж и не... – честно сознаюсь я и пытаюсь угадать, что на сей раз подбросило с одра Лену.

– Как Юра? – спрашивает Лена о самочувствии Юры Томилина, бесменного руководителя нашего клуба авторской песни.

– К сожалению, плохо.

На той стороне сочувственно вздыхают и кладут трубку...

Неугомонная, равнодушная Лена! Я хочу, чтобы лет через 20 твоё *«хорошспать»* громыкнуло ни свет ни заря у кого-то из моих друзей, и чтобы ты спросила о моём здоровье. Не важно, что тебе ответят. Важно, чтобы было у кого, о ком, а главное, кому спросить. Обещай, а?

WECKE MICH NICHT BEI MORGENROT!

„Genug gepennt“ – hallt es um sieben Uhr morgens aus meinem Telefon. Bei Oma Lena bedeutet das: „Guten Morgen, ich hoffe, ich habe dich nicht geweckt!“

Die über 80jährige Lena besteht im Übrigen auf das Weglassen des „Oma-Titels“ und man muss gestehen, dass dieser Frau der von ihr als Schimpfwort empfundene Begriff sowieso nicht steht.

Ich, der erst um drei Uhr morgens ins Bett gekrochen bin und erst gegen vier endlich eingeschlafen war, überlege kurz, bevor ich Antwort gebe, dass es gar nicht mal so schlecht ist, endlich mal wieder von einer Frauenstimme geweckt zu werden. Besser wäre es, wenn dies nicht durch einen Anruf passieren würde, und noch besser, wenn sie mich nicht anschreien würde... Zum Glück bin ich gerade noch wach genug, um diese Gedanken – nicht zuletzt aus Respekt vor dem Alter – für mich zu behalten.

Lena ist eine überaus sympathische, respektable Dame. Unsere – im besten Sinne gemeinte – kleine Einwanderer-Sehenswürdigkeit.

Was diese Frau zu einer Art Attraktion macht, ist zum Beispiel, dass sie immer noch witzelnd allmorgendliche Gymnastik mit dem Springseil übt. Ständig ist sie in ganz Wuppertal unterwegs und erledigt, meist nur ihr ganz verständliche, wichtige Aufgaben.

Sie geht gerne auf Konzerte, besucht langlebige literarische und musikalische Treffen, auf denen Sie die Beteiligten stets mit nahezu unbeantwortbaren Fragen löchert.

Vor kurzem erst war Lena als freiwillige Helferin in Israel gewesen und hat dort, ähnlich wie zur Zeit der UdSSR, brauchbare von nicht brauchbaren Kartoffeln sortiert.

Die, auf diese Weise in die „Verbesserungs-Geschichte“ des gelobten Landes eingegangene Frau, strotzte bei der Rückkehr vor immensem Stolz. Dieser zwang sie praktisch dazu, „die 60jährige Jugend“ zu ermahnen und zu versuchen, uns zu ähnlichen ehrwürdigen Taten zu verführen.

Normalerweise wenn Lena so früh anrief, ging es um wichtige, existentielle Dinge. Mich trafen immer Fragen kultureller Natur. Zum Beispiel: Was ich denn von dem neuen Buch von T. I. halte, wo die Lesung des Poeten M. F. stattfinden würde oder wann das nächste Treffen im

Wuppertalcafe wäre...immer waren sie aber mit einem „Genug gepennt“ eingeleitet gewesen.

„Genug gepennt!“ halte es jetzt mit Nachdruck aus dem Hörer.

„Gu... Ich penn ni...“ Seit Kurzem versuche ich immer zu erraten, was ihr dieses Mal auf dem Herzen liegen könnte.

„Wie geht es Juriy?“ fragte sie mitfühlend nach dem Gründer und Leiter des Wuppertaler Liedermacherclubs Yuriy Tomilin.

„Eh... leider nicht so gut.“

Ich höre ein besorgtes Aufatmen, ein leichtes Rascheln und plötzlich schnelle, hintereinander ertönende Piep-Laute, die mir verraten, dass sie wieder aufgelegt haben muss.

Ja, so war sie, die aufgewühlte, stets von etwas ergriffene und überzeugte Lena.

Von dir wünsche ich, irgendwann in 20 Jahren, zu hören. Ich hoffe, jemand wird mir erzählen, dass du ihn mit deinem berühmten Satz geweckt hast, nur um dich nach meinem Befinden zu erkundigen, um dann wieder aufzulegen. Dabei ist mir völlig egal, wie die Antwort sein wird. Hauptsache, es gibt jemanden, bei dem du fragen kannst, jemanden, über den du fragen kannst und jemanden, der fragt. Das wünsche ich mir.

Übersetzung: Boryslawa Autsen

Светлана
ФЕЛЬДЕ
Swetlana
FELDE



К

АЛЫЕ ПАРУСА

Когда тебе шестнадцать, нет ничего проще, чем верить в варианты существования на свете прекрасного Грея. И что ты для него будешь Ассоль.

Когда тебе двадцать пять, нет ничего проще, чем верить в варианты возможности того, что Грей попал в больницу с двусторонним воспалением легких, потом у него началось осложнение, а ты в это время переехала в другой город, и он, когда выздоровел, не смог найти тебя, но обязательно найдет. Чуть позже.

Когда тебе тридцать пять, нет ничего проще, чем верить в варианты возможности того, что Грей тоже человек, и он устал тебя искать, в промежутке женился, как и ты, развелся, как и ты, плохо спит по ночам, приводит случайных женщин, но все равно мечтает о тебе, и вы обязательно скоро встретитесь.

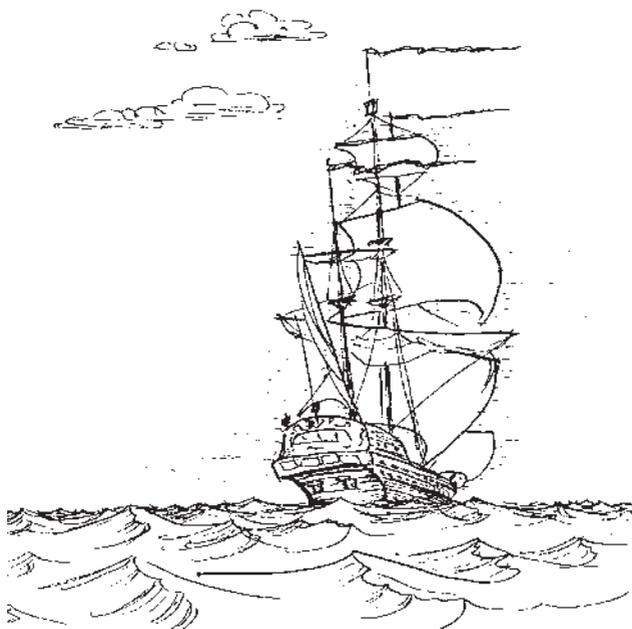
Когда тебе пятьдесят, нет ничего проще, чем смеяться над своими несбывшимися мечтами и тайком от второго мужа, детей от обоих браков и внуков – вот где богатство! – смотреть старый фильм, в котором не видно, что паруса алые, но ты-то знаешь, что они алые, а не черные, как в этой старой киноленте. Просто тогда в цвете вообще еще не снимали.

Когда тебе шестьдесят, нет ничего проще, чем верить в то, что все, наверное, сложилось так, как и должно было сложиться. И не исключено, что вот этот второй муж, с которым ты состарилась и за которого, видимо, все-таки выходила по любви, и есть тот самый Грей, просто ты в своих глупых ожиданиях этого так и не поняла, а понять бы следовало.

Когда тебе семьдесят...

Впрочем, горизонт покрыт такой дымкой, что за ней ничего не разглядеть. Да и разглядывать не хочется, потому как поздно.

Но зато ты можешь подарить восемнадцатилетней внучке книжку про Алые паруса. И надеяться, что уж она-то точно дождетя своего Грея. Ведь не могут же существовать Греи только в чьих-то фантазиях. Должно быть им место и в жизни. Вот об этом и надо рассказать внучке, которая вчера плакала, что ей уже восемнадцать, а принца все нет. И внучка тебе поверит, ведь ты прожила жизнь. А то, что ты не дождалась Грея, об этом внучке знать совсем не обязательно. Совсем не обязательно...



Zeichnung von Oxana Balasanova

Рисунок Оксаны Балазановой

к дилогии Марины Белоцерковской и Оксаны Балазановой «Леди удачи»

ROTE SEGEL

Wenn du sechzehn bist, gibt es nichts Einfacheres, als daran zu glauben, dass es auf der Welt einen Gray gibt. Und du kannst für ihn eine Assol sein.

Wenn du fünfundzwanzig bist, gibt es nichts Einfacheres, als an die Möglichkeit zu glauben, dass Gray ins Krankenhaus gerät mit einer doppelseitigen Lungenentzündung, die dann noch zu einer Komplikation führt, und du bist zu dieser Zeit in eine andere Stadt umgezogen, so dass er dich nach seiner Genesung nicht finden kann, aber unbedingt finden wird. Nur etwas später.

Wenn du fünfunddreißig bist, gibt es nichts Einfacheres, als an die Möglichkeit zu glauben, dass Gray auch ein Mensch ist, der es satt hat, nach dir zu suchen, sich wie auch du verheiratet und sich wie auch du wieder scheiden lässt, nachts nicht schlafen kann, zufällige Frauen ins Haus bringt, aber trotzdem von dir träumt und ihr euch unbedingt bald treffen werdet.

Wenn du fünfzig bist, gibt es nichts Einfacheres, als über deine unerfüllten Träume zu lachen und dir heimlich von dem zweiten Mann, den Kindern und Enkeln von beiden Ehen – hier ist der wahre Reichtum! – einen alten Film anzusehen, wo man gar nicht sehen kann, dass die Segel rot sind, aber du weißt doch, dass sie rot und nicht schwarz sind wie in diesem alten Streifen. Damals hat es einfach noch keine Farbfilme gegeben.

Wenn du sechzig bist, gibt es nichts Einfacheres, als daran zu glauben, dass sich alles so ergeben hat, wie du es haben wolltest. Und dass es nicht ausgeschlossen ist, dass dein zweiter Mann, mit dem du alt geworden bist und den du wahrscheinlich doch aus Liebe geheiratet hast, eben derselbe Gray ist, was du aber wegen deiner blöden Erwartungen nicht verstanden hast, was aber sehr nötig gewesen wäre.

Wenn du siebzig bist ...

Übrigens ist der Horizont schon mit solch einem Dunstschleier bedeckt, dass man dahinter gar nichts mehr sehen kann. Und man will auch gar nichts mehr sehen, weil es schon zu spät ist.

Dafür aber kannst du deiner achtzehnjährigen Enkelin das Buch über die Roten Segel schenken. Und dabei hoffen, dass diese unbedingt ihren Gray finden wird. Diese Grays können doch nicht nur in Fantasien existieren. Sie müssen auch im Leben ihren Platz finden. Darüber sollte man der Enkelin, die gestern geweint hat, weil sie schon achtzehn ist und immer noch keinen Prinzen hat, auch erzählen. Und die Enkelin wird es dir glauben, denn du hast doch ein ganzes Leben hinter dir. Aber dass du deinen Gray nicht erwarten konntest, muss man der Enkelin nicht unbedingt erzählen. Ganz und gar nicht.

Марина БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ

Marina BILOTSEKIVSKA

П Р. Р. S. ИЛИ МОНОЛОГ НЕ-ГРЕЯ

Под солнцем палящим, под небом жемчужным,
Под северным ветром, восточным и южным
Горят паруса моего галиота.
Катаю Ассолей – такая работа.
На берег Каперны, Марсея, Одессы
Спешат гувернантки, рыбацки, принцессы.
Пропитаны платья и волосы солью,
И каждая, может, зовётся Ассолью.

О нет, я не Грей! Это выдумка в книжке.
И ждут меня дома жена и детишки,
Но жаль мне девчонок-мечтательниц, каюсь!
И я поднимаю свой огненный парус.
И я появляюсь и шлюпку спускаю,
И груз драгоценный на борт принимаю.
Кого до полудня, кого и поболее –
Катаю Ассолей, катаю Ассолей.



P. P. S. ODER KEIN-GREYS MONOLOG

Perlfarbener Himmel und glühende Sonne,
Rot leuchten die Segel der Prachtgaleone,
voll Ostwind, voll Nordwind, voll Südwind, voll Traum.
Mein Job ist, die Mädchen aufs Meer auszufahren.
An Kais von Kaperna, Marseille und Odessa,
da eilen sie alle – von Magd bis Prinzessin.
Und jede, mit Salz auf den Haaren und Lippen
wird jetzt zu Assol auf den windigen Klippen.

Ich bin doch kein Grey, keine Dichtererfindung,
zu Hause habe ich Frau und Kinder.
Doch Mädchen, die weiter im Traum verharren,
die tun mir doch leid, und ich muss wieder fahren.
Ich hisse die Segel, so rot wie das Feuer,
und nehme sie alle an Bord, die mir teuer.
Ich fahre Assols auf das Meer, es wird heiter,
mal länger, mal kürzer, mal näher, mal weiter.

Ах, Грей! Тебя нет ни в Гвинее, ни в Польше,
А бедных Ассолей всё больше и больше,
И вот я мечту воплощаю в реальность.
Что делать – такая моя специальность.
А время бежит, как вода за кормою.
Покинув одну, тороплюсь за другою,
И хочется верить, что парус над морем
Останется в душах мечтой, а не горем.
Покинуть свой дом ни одна не боится,
Но страшно глядеть в их счастливые лица,
И сердце в груди замирает от боли...
Такая работа – простите, Ассоли!

Das purpurrote Segel (Originaltitel: russisch Алые паруса, Alyje parussa) ist ein sowjetischer Fantasyfilm von Alexander Ptuschko aus dem Jahr 1961. Er entstand nach der Erzählung Das Purpursegel von Alexander Grin.

HANDLUNG

Als der tot geglaubte Seemann Longgreen nach vielen Monaten zurück in sein kleines Fischerdorf kommt, findet er in seinem Haus die Nachbarin vor. Sie hat die drei Monate alte Tochter Longgreens im Arm, der seine Frau Mary den Namen Assol gegeben hat. Mary selbst ist tot. Kurz nach der Geburt des Kindes fehlte es an Essen und kein Geld war im Haus. Mary bat den Wirt um Geld, doch der forderte, dass sie ihm gefügig sei. Als sie bei eisigem Wetter in eine nahegelegene Stadt ging, um ihren Ehering für etwas Geld zu versetzen, holte sie sich eine Lungenentzündung, an der sie nach kurzer Zeit verstarb. Longgreen nimmt die Geschichte der Nachbarin gefasst auf und weiß, dass er sich in Zukunft allein um sein Kind kümmern muss.

Assol wächst zu einem jungen Mädchen heran. Longgreen verdient sich sein Geld inzwischen als Spielzeugbauer und fertigt Holzsegelboote an, die er für wenig Geld auf dem Markt verkaufen kann. Eines Tages soll Assol die Boote zum Markt bringen. Sie lässt eines mit einem roten Segel im Bach treiben und eilt dem davonschwimmenden Boot nach. Es wird

Der Kapitän Grey ist ja nirgends zu finden.
Assols aber werden nur mehr. Überwinden
muss ich die Ungleichheit, den Traum wahr machen,
als Fachmann verwandeln das Leiden in Lachen.
Die Zeit fließt wie Wasser am Heck, und im Tausch
geht weiteres Mädchen an Bord, wie im Rausch.
Nur hoffen kann ich, dass die purpurnen Segel
verbleiben für sie nicht als Leid, nur als Segen.
Die Mädchen verlassen ihr Heim ohne Bangen.
Ich schau' in die glücklichen Augen befangen,
mein Herz in der Brust stockt vor Schmerz und Erregung...
Es ist mein Beruf, und ich fleh' um Vergebung!

Übersetzung: Valentina Apro

schließlich vom alten Egl aus dem Wasser gefischt, der Assol prophezeit, dass einst ein Prinz mit einem wirklichen Schiff mit roten Segeln kommen und Assol zur Frau nehmen wird. Assol träumt nun von jenem Prinzen und wird dafür von den Dorfkindern ausgelacht. Auf einem weit entfernten Schloss wiederum lebt der junge Graf Arthur Grey, der zum Leidwesen der Eltern nichts lieber hat als die Seefahrt. Die Eltern versuchen vergeblich, seine Neigung für Schiffe und Piratengeschichten zu unterdrücken.

Jahre vergehen und Assol und Arthur sind junge Erwachsene geworden. Assol hilft dem Vater bei seiner Arbeit, doch die Geschäfte gehen schlecht. Arthur Grey bricht mit seinem Vater und wird Seemann. Er ist tüchtig und lernbegierig und steigt in kürzester Zeit zum Kapitän seines eigenen Schiffes Secret auf. Bei einem Landgang findet er die im Gras schlafende Assol und verliebt sich in sie. Er steckt ihr seinen Ring auf den Finger und verschwindet unerkannt. Im Dorf erkundigt er sich nach ihr und erfährt, dass sie immer noch auf den Prinzen wartet, der sie auf einem roten Segelschiff abholt, aber auch, dass manche Dorfbewohner sie deswegen für wunderlich halten. Arthur will Assols Traum wahr werden lassen. Er kauft in der Stadt 2000 Meter rotes Segeltuch und kehrt auf seinem nun rote Segel tragenden Schiff zu Assol zurück. Die hat bereits am Ring erkannt, dass ihr Prinz kommen wird. Auch die Dorfbewohner laufen am Strand zusammen und beobachten, wie Arthur Assol am Strand in seinem Boot abholt und auf das Schiff bringt. Dort eröffnet er ihr, dass er sie schon immer gesucht habe und sie heiraten will. Assol ist glücklich, zumal auch ihr Vater mit dem Paar kommen wird.

Мария
НОСИЛОВА

Maria
NOSSILOVA

Франц ВЕРФЕЛЬ

Я Я УДИВЛЯЮСЬ (1943)

удивляюсь цвету красной краски,
тому, что жёлтый цвет так ярко жёлт,
что жить живой дерзает без опаски,
а мёртвый голос свой не подаёт,

Что ночь любому дню идёт на смену,
лишь в сумерки истлеет свет дневной,
а утром солнце всходит непременно,
и новый день пленяет новизной,

Что то́ же в каждой твари и растенье
различье женских и мужских начал,
и эта двойственность, не зная пресыщенья,
поддерживает наших чувств накал.

Я смысла не ищу и не открою.
Я удивляюсь – в этом смысл и есть.
Лишь удивляясь, становлюсь собою
И чувствую, что жив я, что я здесь.



Franz WERFEL

ICH STAUNE (1943)

Ich staune, daß die rote Farbe rot ist,
ich staune, daß gelbe gelb erglimmt.
Ich staune, daß, was ringsum lebt, nicht tot ist,
und daß, was tot ist, nicht ins Leben stimmt.

Ich staune, daß der Tag alltäglich nachtet,
wenn ihm das Licht verwest zur Dämmerung.
Ich staune, daß frühmorgens überfrachtet
von Sonnenglück, ein neuer kommt in Schwung.

Ich staune, daß durch alle Lebenssprossen
das Männ- und Weibliche geschieden bleibt,
und diese Zwieheit, niemals ausgenossen,
als Wonne unsre Herzensfluten treibt.

Mein Staunen ist kein Forschen nach dem Sinne.
Mein Staunen ist des Sinnes selbst der Sinn.
Nur durch Erstaunung werd ich meiner inne.
Ich staune, daß ich staune, daß ich bin.

МОЙ СИНИЙ РОЯЛЬ

Стоит ещё дома мой синий рояль,
Но жалок его удел.
Задвинут в подвал, он навек замолчал
С тех пор, как мир озверел.

Звездных играли четыре руки,
Луна в светлой лодке пела.
– Теперь пляшут крысы под лязг и гик.
Вырваны струны, рояль разбит.
Я плачу над синим телом.

О, ангел на страже небесных дверей,
– Вкусила я горького хлеба –
В обход всех запретов, открой мне скорей
И, живую,пусти на небо.

MEIN BLAUES KLAVIER

Ich habe zu Hause ein blaues Klavier
Und kenne doch keine Note.
Es steht im Dunkel der Kellertür,
Seitdem die Welt verrohte.

Es spielten Sternenhände vier –
Die Mondfrau sang im Boote.
– Nun tanzen die Ratten im Geklirr.
Zerbrochen ist die Klaviatur.
Ich beweine die blaue Tote.

Ach liebe Engel öffnet mir
– Ich aß vom bitteren Brote –
Mir lebend schon die Himmelstür,
Auch wider dem Verbote.

Татьяна
ИВЛЕВА

Tatiana
IVLEVA

КАНДЖИ

(Знаки с Жёлтой реки)

Сыну Рудольфу

Канджи – переводится с древнего китайского как **знаки с Жёлтой реки; человек; иероглиф**. Созданные мной миниатюрные зарисовки собраны под этим названием. Канджи – это не хокку и не танка, хотя и вдохновлены ими.

Вот – на лесной полянке удов.
Одинок – как пророк.
Поклоны бьёт,
головой кивает
и без конца повторяет:
уйдёт...
уйдёт...
всё уйдёт.



KANJI

(Zeichen vom Gelben Fluss)

Meinem Sohn Rudolf

Das Wort **Kandgi** steht im Altchinesischen für: **Zeichen vom Gelben Fluss, Mensch oder Hieroglyphe**. Unter dem Namen Kanji stelle ich die von mir niedergeschriebenen Miniaturen vor. Kanji sind keine Tanka oder Haiku, obwohl sie von diesen beeinflusst wurden.

Auf der Waldwiese ein Wiedehopf –
einsam – wie ein Prophet –
verneigt sich, wie betend,
nickt mit dem Kopf,
wiederholt unentwegt:
vergeht...
vergeht...
alles vergeht.

Два пути
в едином стремлении пересеклись.
Так рождаются люди.
И, может быть, звёзды.

Не верил никто, что вновь зацветёт
засохший жасминовый куст.
Я продолжала его поливать –
об этом теперь не жалею.

Куст жасмина зацвёл в первый раз,
Мне напомнил
улыбку первую сына...

Спит мой маленький сын.
Кроватка его –
островок надежды
в бушующем океане.

Нежны лепестки вишни цветущей.
Ещё нежнее –
ладони ребёнка в материнской руке.

Zwei Wege
in einem Streben sich kreuzten.
So werden Menschen geboren,
und Sterne vielleicht auch.

Keiner glaubte daran,
dass der verdorrte Jasminbusch wieder aufblüht.
Ich goss ihn trotzdem weiter –
jetzt bedauere ich es nicht.

Der Jasminbusch erblüht zum ersten Mal,
weckt die Erinnerung
ans erste Lächeln meines Sohnes...

Mein kleiner Sohn schläft.
Sein Bettchen –
eine winzige Insel der Hoffnung
im wütenden Ozean.

Zart sind die Kirschblüten.
Noch zarter
die Hände des Kindes in Mutterhand.

Уснул у меня на груди
мой маленький сын.
Пока что легка эта ноша.

Душа ребёнка –
воздушный шар,
подхваченный ветром.
Молюсь о тебе, мой мальчик.

Ночь свернулась в клубок,
как большая чёрная кошка.
Рассвет разбудит её.

Остывающий шар заходящего солнца
похож на скатившийся со стола
апельсин из далёкого детства.
Подставляю ладонь.



Mein kleiner Sohn
ist auf meiner Brust eingeschlafen.
Noch spüre ich keine Last.

Die Seele eines Kindes –
ein Luftballon,
vom Winde mitgerissen.
Ich bete für dich, mein Junge.

Die Nacht hat sich zusammengerollt,
wie eine große schwarze Katze.
Das Morgenrot wird sie wecken.

Die sinkende Sonnenkugel
ähnelte der Apfelsine aus der fernen Kindheit,
die vom Tisch rollte.
Ich halte sie in meiner Hand.

Übersetzung: Valentina Apro

Марта
КОГАН

Marta
KOGAN

К БРОШЕННАЯ ОБИТЕЛЬ

Когда-то жизни полоса здесь шла иначе:
Детей звучали голоса и лай собачий,
Мужские слышались басы и смех счастливый,
Текли минуты и часы неторопливо.
Дела дневные, шум и гам. И тихо – ночью.
Доверчиво у женщин там глядели очи.
В какой-то день исчез их дом, живой и чудный,
И стало пусто в месте том, где было людно
(Как будто разом все ушли и не вернулись
Иль на другом краю земли от сна очнулись.)
И поросла земля травой, малиной дикой,
Крапивой с жалящей листвой и ежевикой.
От шумных улиц далеко, машин и смога
Дышать и думать так легко под дланью Бога.
И ангел мой, сложив крыла, здесь отдыхает,
И, как сильна бы ни была, боль утихает.



VERLASSENES ZUHAUSE

Es war das Leben früher hier ganz anders:
Man hörte Kinderstimmen und der Hunde bellen,
Man hörte Männerstimmen, des Glücks Lachen.
Es flossen die Minuten, Stunden langsam.
Tagsüber Arbeit, Krach und Lärm. Und in der Nacht – ganz ruhig.
Vertrauensvoll die Frauenblicke waren.
An einem Tag verschwand ihr Haus,
der so lebendig war und schön,
Und wurde leer in diesem Hause, das früher so voll Menschen war.
(als ob auf einmal gingen alle weg und kehrten nicht zurück,
Als ob sie auf dem andern Teil der Erde vom Schlaf erwachten).
Die Erde wurde mit dem Gras und Wildhimbeeren zugewachsen,
Mit beißender Brennessel und Brombeeren.
Von lauten Straßen fern, von Autos und Gestank...
Zu atmen und zu denken ist es leicht unter dem Schutz des Gottes.
Mein Engelchen, die Flügeln zusammen faltend, ruht im Himmel,
Egal wie stark mein Schmerz doch war, verfliegt mein Schmerz...

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Расстилала скатерть чистую,
Расставляла рюмки тонкие,
Блюда ставила душистые,
Да молилась под иконкою...
Мыла и пушила волосы,
Пела песенку вполголоса,
Пахло кофе свежемолото
И блестело перстня золото...
Оттого она печальная
Песенка моя негромкая,
Что твоя дорога дальняя
Для меня – дорога долгая...

В желанье сладких слов и нежных чувств,
В нехватке доброты и тишины,
Любовь считая высшим из искусств,
Мы – женщинами Богом созданы.

Мужчина – царь, влечение и краса
Из сложностей выстраивает храм,
Возносит нас, любимых, в небеса...
И...

Разбиваться

позволяет

нам.

ABSCHIEDSLIED

Mit frischer Tischdecke den Tisch bedeckte,
Die dünnen Gläser stellte auf den Tisch,
Die duftenden Gerichte schön herrichtete
Und betete unter Ikone ich...
Die Haare wusch ich und danach sie bürstete,
Ein Liedchen sang halbleise ich,
Der frischgemahlener Kaffee duftete
Und glänzte schön das Gold des Rings.
Warum ist dieses Liedchen traurig?
Das Liedchen, das so leise ist,
Denn dein Weg ist so weit, so weit
Und Weg von mir – der dauert lang...

Wir haben Sehnsucht nach süßen Worten, zärtlichen Gefühlen
Es fehlt uns Gütigkeit und Ruhe,
Die Liebe zählt für uns zu höchsten Künsten,
Vom Gott sind wir erschaffen mit viel Mühe.

Der Mann – ein König, so begehrenswert und schön
Erbaut aus Schwierigkeiten einen Tempel,
Er hebt uns dann, geliebten, hoch zum Himmel
Und...

Uns...

Danach...

Zerbrechen lässt.

Übersetzung: Janina Fuxman

ОРКЕСТР В КУРОРТНОМ ПАРКЕ

Ах, белые скамеечки – перила с завитушками,
Бад Киссинген качается на солнечных весах!
Фонтаны – струйка к струечке, что ранило – притушено,
И вальсы стрелки двигают на августа часах.
Мелодии скрипичные ласкаются котятками,
И запах розы – розовый, и лета малахит...
Дневник, где строфы зимние – тяжёлые, невнятные,
Забытый на скамеечке страницами шуршит.



ORCHESTER IM KURPARK

O weiße Bänke – ein filigranes Gelände,
Bad Kissingen schwingt im Sonnenschein!
Das Wasser der Sprungbrunnens zerstäubt in der Luft.
Und Walzentänzer bewegen sich im Rhythmus des August.
Und der Dirigentenstock schwingt mit der Melodie.
Und der Geruch der Rosen ist intensiv und rosa.
Und der Sommer ist gefärbt wie Malachit.
Ein Tagebuch, wo die Strophen im Winter
Schwer und unaussprechlich waren,
Liegt vergessen auf der Bank,
Und die Seiten rascheln im Wind.

Übersetzung: Tatjana und Kurt Mennigmann

Ефим
ШАФИТ

Efim
SHAFIT

Н ИСПОВЕДЬ ЭМИГРАНТА

Не видя в загранице проку,
Не мог представить и в бреду,
Что от родных пенат далёко
Остаток жизни проведу.

Пусть бунтовал порою разум,
Была мне дорогá страна,
Где был я к языку привязан
И адаптирован сполна.

И всё ж, в глуби родного края,
Где был рождён, где был любим,
Я никогда, бесспорно знаю,
Не чувствовал себя своим.

Покорен оптимизма силе,
Надеялся: придёт черёд,
С Европой сблизится Россия
И обновлённой в мир войдёт.



DIE BEICHTE DES EMIGRANTEN

Der Nutz im Ausland zu sehen –
Das hielt ich für ein Hirngespinnst
Und konnte mir gar nicht vorstellen,
Dass fremdes Land – mein Wohnort ist.

Manchmal mein Wesen rebellierte,
Es war doch meines ganz und gar
Das Land, wo ich die Sprache liebte
Und angepasst vollständig war.

Und doch, im Land, wo leben wollte,
Dort war geboren, war beliebt,
Zum Kreis der Menschen dieser Orte
Vollständig ich gehörte nie.

Der Optimismus doch ergeben,
Ich hoffte, dass die Zeit vergeht –
Sich Russland dem Europa nähert,
Erneuert in die Welt eingehet.

...Судьба! Пред ней склонил я выю.
Я помню первых лет накал,
Когда места свои родные,
Как бинт от раны отрывал.

Шли годы, было мне уютно,
Когда ступал под прежний кров,
Но мысль подогревала смутно,
Что я могу уехать вновь.

...Несётся жизнь своей дорогой,
Уж я не тот, кем прежде был,
Мне странным кажется, как много
Я на чужбине лет прожил.

И прошлое подбитой птицей
Влачится через толщу дней –
Чужая речь в мой мозг стучится
И кажется почти своей.

А. С. ПУШКИН

Я думал, сердце позабыло
Способность лёгкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!

Прошли восторги и печали
И легковёрные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

Das Schicksal – ich den Hals verbeugte.
...Der ersten Jahre schwere Glut,
Als ich mein Heim abtrennen konnte,
Wie den Verband mit frischem Blut.

Ich fühlte mich ganz komfortabel,
Wenn ich im alten Leben war,
Doch, der Gedanke wärmte vage,
Dass ich abreisen wieder kann.

Das Leben läuft, zum Ende eilend,
Ich bin nicht der, der ich mal war.
Mir seltsam: ich nicht in der Heimat
Verbringen konnte Jahr für Jahr.

Und wie der traurige Nebel
Schleppt treu sich die Vergangenheit...
Die fremde Sprache klopft im Schädel,
Und mir beinahe meine scheint.

***Der Autor ist dankbar El. Dushin für die
freundliche Hilfe bei der Übersetzung.***

A. S. PUSCHKIN

Ich dachte, hat mein Herz vergessen
Die leichte Leidensfähigkeit,
Ich sagte: Liebesinteresse,
Es schon gar nicht zu kommen meint!

Vorbei Lust, Trauer im Leben,
Die leichten Träume haben Krach...
Sie aber wieder sind erleben
Beim Auftritt der Schönheitsmacht.

Übersetzung: Efim Shafit

??

Рената
ВОЛЬФ

Renate
WOLF

Норберт ЛЕЙШНЕР
(1948 – 2013)

Самые важные вещи
в жизни даются даром
поля и леса
улыбка женщины
чудо времени
тяга к теплу
солнце на пляже
любовь ко всему
аромат цветка
познание счастья
звучание скрипки

чего тебе еще
не хватает



Norbert LEUSCHNER
(1948 – 2013)

Die wichtigsten
Dinge im Leben
gibt es umsonst
die Wiesen und Wälder
das Lächel der Frauen
das Wunder der Zeit
die Sehnsucht nach Wärme
die Sonne des Strandes
die Liebe zu allem
das Duften der Blume
das Wissen vom Glück
das Spielen der Geige

was fehl dir noch

Ты что-то потерял
долго искал
и вдруг пропажа нашлась

ты поднял находку
и хочешь так просто
засунуть ее в карман

тогда как ты должен
с большим вниманием
изучить эту вещь заново

потому что она изменилась
в этом
потерянном времени

Любовь
делает из нас
ангелов
только с одним
крылом

мы нужны друг другу
если хотим взлететь

Man kann nicht
was man verloren
glaubte

einfach aufheben
in die Tasche stecken
und weitergehen

man muss es
mit viel Zuwendung
neu kennen lernen

weil es sich verändert hat
in dieser
verlorengegangener
Zeit

Die Liebe
macht aus uns allen
Engel
mit nur einem Flügel
doch
wenn wir fliegen wollen
brauchen wir einander

Почему ты всегда
ищешь покоя

до рождения
у тебя его было
достаточно

и когда ты умрешь
будет столько покоя
что тошно станет

так зачем ты
ищешь покоя
сегодня



Warum brauchst du
immer deine Ruhe

du hast vor
der Geburt
genug Ruhe gehabt

und nachdem du
gestorben bist
wirst du
so viel Ruhe haben
dass du es leid wirst

warum also
brauchst du heute
deine Ruhe

*Zeichnung von
Renate Wolf*

*Рисунок Ренаты
Вольф*



Der Wuppertaler Elternverein 3x3 e.V.

Der Wuppertaler Elternverein 3x3 hat drei thematische Schwerpunkte: Bildung, Beschäftigung und Begehung, die er mit ebenso drei Methoden, nämlich Beratung, Begleitung und Betreuung zu meistern sucht. Zu den Angeboten des Vereins gehören Kurse wie z.B. Sprachförderung, Elternkrisis, Beratung, Familienfeste und Befragungen. Man arbeitet an der Entwicklung der Angebote und Projekte sowie am Aufbau der Zusammenarbeit mit anderen Organisationen. Der Elternverein arbeitet mit Experten und Spezialisten in den Bereichen Sozialpädagogik, Psychologie, Sozialarbeit, Erziehung und Familienberatung zusammen. Zweck des Vereins ist die Förderung der Integration, Erziehung und Bildung von Kindern und Jugendlichen mit Migrationshintergrund im Zusammenwirken zwischen Eltern und Vorschul-, Schul- und Ausbildungseinrichtungen sowie die Förderung des gleichberechtigten und toleranten Zusammenlebens der Menschen unterschiedlicher kultureller Herkunft.

Adresse:
Machweg 212, 42349 Wuppertal
Tel.: 0202 / 609 42 71
E-Mail: anuskow@3x3-elternverein.de

Veranstaltungsort:



Internationales Begegnungszentrum Caritas
Wuppertal / Solingen
Hünefeldstr. 54a, 42275 Wuppertal

Für Rückfragen:
Wuppertal:
Olga Zaukova
Tel.: 0202 / 609 42 71
Köln:
Dr. Maxim Ryabkov
Tel.: 0221 / 30 19 59 52
maxim.ryabkov@bvve.de



Veranstalter:
Bundesverband russischsprachiger Eltern e.V.
Graefstr. 5, 50623 Köln

Tel.: 0221 / 30 19 59 52
0221 / 30 19 59 53
Fax: 0221 / 30 19 59 54
info@bvve.de
www.bvve.de



Gefördert von der Bundesministerie für politische Bildung (Bundeszentrale für politische Bildung) im Rahmen des Projekts Politische Bildung von Migranten für Migranten. Mithilfe der Unterstützung der russischsprachigen Bildung und der politischen Integration.

musikalisch-literarischen Abend
**Begegnung der Kulturen:
literarische
und musikalische
Stimmen**

Am 16. Oktober 2016
von 15.00 bis 18.00 Uhr



Der Bundesverband russischsprachiger Eltern e.V. und das Wuppertaler Elternverein 3x3 e.V. laden Sie herzlich ein

**am 16. Oktober 2016
von 15.00 bis 18.00 Uhr**

zum musikalisch-literarischen Abend
**Begegnung der Kulturen:
literarische und musikalische
Stimmen**

Konzeption: Olga Zaukova,
Wuppertaler Elternverein 3x3 e.V.,
Wuppertal

Wladimir Artzen,
Wuppertaler Elternverein 3x3 e.V.,
Wuppertal

Moderation: Olga Zaukova,
Wuppertaler Elternverein 3x3 e.V.,
Wuppertal

Programm

1. Teil **Lieder von Bulat Okudschwa auf Russisch und Deutsch**
Interpreten: Marina Melnikowa und Eduard Girschow,
Kunstgruppe „Antrak“, Sanik Peterburg
und Klaus Grabenhorst, Düsseldorf
2. Teil **Das Literatur-Café:**
Lesung von Erzählungen und Gedichten zu Migration und dem interkulturellen Zusammenleben
anschließend Diskussion

Über das Projekt

Politische Bildung von Migranten für Migranten:
Modellprojekt zur Förderung des interkulturellen Dialogs und der politischen Teilnahme.

Als die größte Vereinigung innerhalb der russischsprachigen Zivilgesellschaft in Deutschland setzt sich der Bundesverband russischsprachiger Eltern (BVRE) für politische Bildung zu migrationsbezogenen Themen ein. Im Sinne der partizipativen Demokratie entwickelt der BVRE ein Modell, das Migranten/innen befähigen soll, ihre Probleme weitgehend eigenständig und im demokratischen Dialog zu lösen. Mit diesem Modellprojekt beabsichtigt der Bundesverband russischsprachiger Eltern die Attraktivität politischer Bildungsangebote für russischsprachige sowie alle Bürgerinnen und Bürger mit Migrationshintergrund zu steigern. Dafür entwickeln wir mehrere inhaltlich verbundene Angebote, die sich auf lebensweltorientierte politische Themen beziehen und in Zusammenarbeit mit den Mitgliedsvereinen des Verbandes entwickelt und durchgeführt werden.

Über den Bundesverband russischsprachiger Eltern

Wir sind eine bundesweite Dachorganisation gemeinnütziger Vereine, die in vielen unterschiedlichen sozialen, kulturellen und Bildungsbereichen aktiv sind. Alle Mitgliedsvereine einst das Ziel, gleiche Chancen für alle Kinder und Jugendliche unabhängig vom sozialen, religiösen und ethnischen Status ihrer Familien zu erreichen. Dafür unterstützen wir insbesondere diejenigen russischsprachigen Familien in Deutschland, die sozial eher zu den Schwachen gehören. Der BVRE vertritt die Meinungen und Interessen der in den Mitgliedsvereinen organisierten russischsprachigen Eltern in Deutschland zu verschiedenen Themen auf kommunaler, Länder-, Bundes- und internationaler Ebene.

ДИПЛОМ

Конкурс на приз Президента МГП
«Ее величество книга!»

Награждается
Владимир АВЦЕН
и соавторы

*за высокое
художественное мастерство*

За книгу
«На перекрестке культур»


Отв. секретарь МГП:
Л. Баумгартен



17 сентября 2016 года,
Германия



Марина Мельникова *Лауреаты 7-го театрального
и Эдуард Гиршов* *международного фестиваля
им. Андрея Шолубеева*



**в концерте-
спектакле**

**"На любовь свое
сердце настрою..."**

(по произведениям Булата Окуджавы)



































